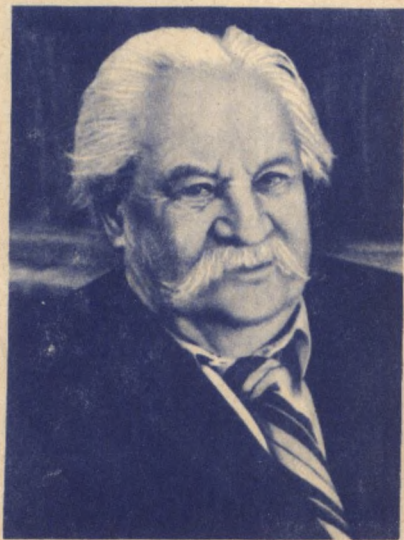

Николай Николаевич Баранский

З. Г. Фрейкин

Москва „Мысль“ 1990

Замечательные
географы
и путешественники

З.Г. Фрейкин

**Замечательные
географы
и путешественники**

**Николай
Николаевич
Баранский**

Москва „Мысль“ 1990

ББК 26.8г
Ф 86

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ОБЩИМ ПРОБЛЕМАМ ГЕОГРАФИИ

Рецензент, автор примечаний и карт — доктор
географических наук О. Р. Назаревский

Фрейкин З. Г.

Ф 86 Николай Николаевич Баранский. — М.: Мысль,
1990. — 126 [1] с.: ил. — (Замечат. географы и пу-
тешественники).

ISBN 5-244-00443-3

Николай Николаевич Баранский создал советскую школу эконо-
мической географии. Он разработал принципы этой науки, отстоял их
с позиций марксистско-ленинского учения. Благодаря ему география
заняла достойное место в системе наук, превратилась в важный ин-
струмент социалистического строительства. Жизнь Баранского — боль-
шевика, ученого, педагога — пример рыцарского служения революции и
науке.

Ф 1805030000-075
004(01)-90 49-90

ББК 26.8г

ISBN 5-244-00443-3

© Издательство «Мысль». 1990

Введение

Сейчас, когда после смерти Баранского прошло более 25 лет, растёт число географов, которые лично не могли ни видеть, ни слышать его. Возможно, что не все они имели возможность и читать его работы. Иногда невольно думается, знают ли они, что сделал для экономической географии, да и для географии в целом, Баранский, знают ли, что все развитие советской экономической географии при нем и после него обязано прежде всего ему, выросло не само по себе, а от могучего корня, имя которому — Николай Николаевич Баранский? Осознают ли новые поколения географов, что научные положения, которые сегодня известны и повторяются всеми как сами собой разумеющиеся истины, полвека назад отвоевывались? И что впереди всех в этой борьбе, поначалу в одиночку, шел Баранский?

Знают ли молодые географы, что именно Баранский составил первые стабильные программы и учебники, по которым все граждане СССР учились более двух десятилетий? Сейчас, когда в стране осуществляется школьная реформа, создаются новые программы, учебники, стоит вспомнить опыт Баранского и в этой области.

Приступая к работе над этой книгой, автор не задавался целью критически оценить все научные труды Баранского, показать, что в его учении сохранило свое значение, а что устарело и преодолено развитием новых идей, что ценного внесли в творческое наследие Учителя его ученики и последователи. Это была бы совсем другая по замыслу работа, весьма далекая от задуманной автором.

К книге о Баранском автор пришел не сразу, а после того, как вновь перечитал основную часть публикаций о нем. Только на этот раз читать пришлось сразу все, и эффект от чтения был уже другим. Ведь первые статьи о Баранском приходятся на начало 30-х годов, и они отнюдь не были хвалебными. Наоборот, в них содержались рецензии на его первые работы с позиции зубодробительной критики — «чем хуже, тем лучше!».

Написано о Баранском на первый взгляд много. Но чаще всего книги и статьи появлялись и появляются к юбилейным датам. Это в определенной степени сказывается и на содержании. Приступая к этой книге, автор поставил перед собой задачу показать Баранского таким, каким знал, а знал он его больше как лектора, докладчика, редактора, руководителя коллектива по составлению программ, как создателя научных трудов и учебников, по которым приходилось обучать школьников или студентов. И тогда возникла необходимость рассказать о сущности основополагающих идей Баранского в области теории и методики экономической географии. И отчасти — о личности ученого. Намерение представить Николая Николаевича «во всех опосредованиях» (как любил говорить он сам) — задача, достойная памяти о нем. Автор надеется, что в таком виде книга будет полезной географам новых поколений.

В. А. Анучин в комментариях к книге о Баранском писал, что многие его идеи «значительно опережали представления, бытовавшие среди экономико-географов того времени, часто попросту не понимавших Н. Н. Баранского. Совершенно очевидно, что для современного читателя работы Н. Н. Баранского гораздо более понятны и интересны, чем для большинства географов — его современников»¹. Соглашаясь с основной мыслью данного комментария, автор не разделяет огульного обвинения В. А. Анучиным «экономико-географов того времени», даже с оговоркой «большинство». Вряд ли большинство состояло из тех, кто выступал в печати. Истинное большинство географов разделяли идеи Николая Николаевича и претворяли их в жизнь: это учителя школ, многие преподаватели вузов страны, его ученики, слушатели его лекций.

Иногда раздаются голоса: «А не изжила ли себя география как наука в эпоху НТР? Не осталась ли она лишь общеобразовательной учебной дисциплиной?». Жизнь показывает ошибочность подобных взглядов. До тех пор пока живы географические методы исследований, пока ведутся поиски взаимодействия, взаимозависимости, комплексирования географических частей целого (будь то ландшафт, смежные производства, отрасли хо-

---

¹ Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. Комментарии. М., 1980. С. 282.

зайства), пока существуют на Земле природные, экономические и другие различия, география остается нужной для социально-экономических преобразований. Из этого следует, что идеи Баранского живут и работают.

Уместно вспомнить слова Баранского: «Если бы Земля была похожей на «обмылок», на полированную доску, в географии не было бы необходимости». Не раз он утверждал, что для такой огромной страны, как СССР, география остается одной из необходимых наук для познания великого разнообразия «от места к месту» ее природной среды и ресурсов, множества населяющих СССР народов со всеми различиями их истории, трудовых навыков, экономики, для превращения естественных, экономических и трудовых богатств в мощный социально-экономический потенциал, для решения задачи полного удовлетворения потребностей народа. Нужна географическая наука и для познания зарубежных стран.

Высоко оценивая роль Баранского в развитии советской экономической географии, его нестареющие теоретические и методические идеи, автор книги убежден в необходимости сказать молодым географам, особенно учителям: «Вперед, к Баранскому!»

Автору посчастливилось много и часто лично общаться с Баранским, особенно в довоенные годы, слушать его лекции, работать над школьной программой, которая почти ежегодно переиздавалась с необходимыми исправлениями и добавлениями, участвовать под руководством Баранского в обследовании школ, состоять в авторском активе, а позднее быть членом редколлегии журнала «География в школе».

Он был Учителем, в личном общении с которым удалось познать экономическую географию и методику ее преподавания больше, чем это можно было получить из книг. На всех, кто с ним общался, он оказывал большое влияние глубокими знаниями, гражданскими принципами.

Но редет круг тех, кому посчастливилось лично общаться с Баранским, а тяга к его мудрому слову, к воспоминанию о нем — пронизательному и остроумному собеседнику, неподкупному, как совесть, — осталась. Принадлежность к идеям Учителя роднит нас — его учеников и современников. Мы сверяем по нему успехи науки, поступки свои и чужие, жизненные и научные позиции.

Имя Николая Николаевича Баранского было и оста-

ется для многих из нас своего рода паролем. Вот пример. Весной 1945 г. военная судьба занесла меня в один из небольших городов фашистской Германии, оказавшихся в наших руках за 1—2 месяца до ее капитуляции. Я ехал на легкой машине в штаб фронта, но надвигающийся вечер заставил прибиться к первой попавшейся воинской части. Зашел к ее командиру, попросил разрешения переночевать. Капитан вежливо, но холодно просмотрел мои документы и вызвал посыльного проводить меня в коттедж, отведенный под гостиницу. Разговорились в ожидании проводника. Оказалось, что оба москвичи, оба географы, но работали в разных ведомствах. Стали сверять, кого мы оба знаем. «С Баранским встречались?» И вот взаимно вежливый тон, с неизбежной в военных условиях настороженностью, сменился близостью, доверительным разговором, воспоминаниями о Баранском. Мы расстались дружески и сердечно, как это бывает в тех случаях, когда чужих друг другу людей объединяет принадлежность к общему землячеству.

В последней главе этой книги, рассказывающей о Баранском в жизни, приводятся личные впечатления автора. Может быть, о нем надо бы рассказать больше, лучше, ярче. Я привожу в основном то, чему был свидетелем, и так, как слышал или видел, как запечатлел в своей памяти. Перефразируя известное изречение, замечу: «Я рассказал, как мог, пусть другие это сделают лучше».

Глава 1

Годы возмужания

Своей удачной фразой: «Я поэт и тем интересен» — В. В. Маяковский как бы ограничил внимание к себе одной только поэтической стороной. Во всем остальном он, видимо, считал себя похожим на миллионы людей. В известной степени это так: хороших граждан в любой стране много, а талантливых, оригинальных поэтов в каждом отрезке времени — единицы.

Николай Николаевич Баранский — ученый. И тем он интересен. Но образ ученого, новатора в науке невозможно правильно понять и оценить, если не обратиться к истокам его творческого пути, пройти мимо изначальных вех его жизни.

Преподавать экономическую географию он начал в 1919 г., когда ему было уже 38 лет. Первый серьезный, более того, оригинальный труд — «Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана» — он написал в 43 года и опубликовал его в 45 лет, твердо заявив тогда о себе, о новых для того времени научных позициях.

Как и с чем он пришел в науку и почему именно в экономическую географию?

Без ответов на эти вопросы невозможно понять вторую половину жизни Баранского, а она нам особенно интересна. Но чтобы ответить на них, приходится хотя бы в сжатом виде ознакомиться с его детскими и особенно юношескими годами¹.

Николай Николаевич Баранский родился в Томске 27 июля 1881 г. Его отец — учитель гимназии, затем ре-

---

¹ Биографические сведения о Николае Николаевиче приводятся по его рассказам и по книгам: *Баранский Н. Н.* В рядах Сибирского социал-демократического союза (Воспоминания о подпольной работе 1897—1908 гг.). 1-е изд. Новониколаевск, 1923; 2-е изд. Томск, 1961.

Семья Баранских.
Коля Баранский
на коленях отца.
Рядом с отцом бабушка
Анастасия Ивановна
Соколова с внуком
Митей. Стоит сестра
Коли
(Томск, 1887 год)

ального училища. Он преподавал литературу и русский язык, а по совместительству и географию¹. Мать — О. С. Соколова, занималась воспитанием детей, которых было в семье пятеро. Николай был четвертым.

Отец происходил из духовного сословия². Рассорившись с поповской родней, он по окончании филологического факультета Петербургского университета уехал учительствовать в Могилев. Там он женился и затем с семьей переехал в Томск. Отец был человеком просве-

¹ Позднее — инспектор народных училищ Томского учебного округа. — О. Н.

² Дед Николая Николаевича был протодиаконем Петропавловского собора Петропавловской крепости. По словам Баранского, он обладал не только зычным «протодиаконским» голосом, но и колоссальной силой. До поступления в духовную семинарию дед был известен как Львов, а став семинаристом, получил фамилию Баранский — по селу Бараний Лог, из которого ходил в школу. В частных беседах Баранский говаривал (шутя, как бы оправдывая свой буйный нрав), что неспроста один его дед был Львов, а второй Соколов! — О. Н.

щенным, с передовыми взглядами. Он хорошо знал работы Белинского, Герцена, Добролюбова. В студенческие годы общался с Д. И. Писаревым, находился под его влиянием. Много времени отец отдавал народному просвещению и, хотя сам (по должности) был в чине статского советника¹, всю жизнь презирал тех, кто кичился дворянским происхождением и тем более чинами (Николай Николаевич говорил про отца, что тот боролся с чиновничеством), иронически относился к властям и самодержавию.

По словам Николая Николаевича, отец с детских лет имел на него большое влияние. Вел с мальчиком беседы как с равным, рассказывал о содержании газет, о внешней политике царского правительства и о западноевропейских дипломатах конца XIX в.

Главным принципом отца в жизни было свободомыслие. Это поддерживалось в семье, во взаимоотношениях между членами семьи, где каждый был свободен в выражении своих чувств, мыслей и в поведении. Требовалось только одно: сочетать свободу с добропорядочностью и нравственными началами, культивировавшимися в передовых интеллигентских семьях конца XIX — начала XX в.

Старшие сестры Баранского — Любовь и Надежда — в соответствии с духом времени рано восприняли революционные идеи и готовились служить народу. Они состояли в социал-демократической партии. Обе сестры были знакомы с В. И. Лениным и Н. К. Крупской. Надя Баранская была одной из тех, кто переписывал и распространял написанный В. И. Лениным в тюрьме молотком между строк книги проект программы русских социал-демократов.

Позже, в 1900 г., когда после ссылки В. И. Ленин и Н. К. Крупская выбрали Псков в качестве места жительства, то именно на квартире Любы Баранской и ее мужа Степана Радченко (участника I съезда РСДРП в Минске) состоялось совещание, на котором Ленин ознакомил присутствовавших с программой действий русских социал-демократов и планом создания общепартийной газеты, получившей затем название «Искра». Ее первый номер вышел в 1900 г. Газета поступала и в Томск, где

---

¹ Чин статского советника давал пожизненное личное дворянство, не переходящее к детям.

при активном участии Н. Н. Баранского ее размножали и распространяли.

Сестры приобщили брата и к марксистской литературе. Благодаря им Николаю стали известны «Капитал», «К критике политической экономии», «Анти-Дюринг» и другие книги Маркса и Энгельса, а также работы Г. В. Плеханова, В. И. Ленина (В. Ильина). Кстати сказать, книга «Что делать?» произвела огромное впечатление и на отца Баранского, допытывавшегося у сына, знает ли тот В. Ильина. На уклончивые ответы сына отец сказал, что этот Ильин — единственный дельный человек, знающий, что он хочет и что нужно делать, опираясь на рабочий класс.

Еще будучи гимназистом, Баранский читал «Манифест Коммунистической партии» в рабочем кружке и завел знакомство с революционно настроенными студентами, в частности с П. И. Малининым, со ссыльными поселенцами, либеральной интеллигенцией.

Томск, будучи с 1888 г. первым в Сибири университетским городом, привлекал к себе молодежь, которую не принимали в Петербургский и Московский университеты, а также ссыльных, отбывших сибирские тюрьмы. Среди революционно и либерально настроенных людей были также эсеры, анархисты, кадеты, эсдеки правых взглядов, ставшие позднее меньшевиками. Баранский под влиянием старших сестер и заведенных через них знакомств определился как эсдек, сторонник «Искры». Это без колебаний привело его в ряды большевиков.

В 1899 г. Баранский заканчивает гимназию с золотой медалью и похвальным аттестатом. Благодаря умелой конспирации гимназическое начальство не подозревало, чем занимается их способный ученик вне гимназии.

В том же году он поступает на юридический факультет Томского университета. Там его участие в революционном движении выражается в пропаганде марксистских идей, в спорах с эсерами и анархистами, в подготовке забастовки. Она состоялась в 1901 г. в поддержку 183 киевских студентов, исключенных из университета и отданных в солдаты. Томских студентов поддержали местные рабочие.

Баранского исключают из университета. Ему пришлось покинуть Томск и полгода пробыть в Барнаульском уезде, где он в качестве уполномоченного «Общества любителей исследования Алтая» произвел по-

Николай Баранский—
студент Томского
университета
(1901 год)

дворную перепись населения села Чистюнька. Оно состояло из местных жителей и переселенцев из европейской части России. Обладая полномочиями и документами, ставившими его в независимое от местного начальства положение, он смог ознакомиться с жизнью и положением крестьян, особенно переселившихся на новые земли и оказавшихся подчас бесправными, притесняемыми властями¹.

Одним из результатов его работы был отчет «Село Чистюнька Барнаульского уезда по подворной переписи 1901 года. Материалы по изучению переселенческого вопроса по подворным переписям 1897, 1901, 1905 гг.»². Работа Баранского в целом подтвердила многие выводы и положения В. И. Ленина, изложенные в книге «Развитие капитализма в России».

¹ Еще в юности Н. Н. Баранский был хорошо знаком как с литературой, издававшейся Переселенческим управлением в России (особенно с материалами по сельскому хозяйству), так и с западноевропейской, например с книгой И. Г. Тюнена «Изолированное государство», штудировал ее в университете, участвовал в семинаре, а затем и сам вел семинар по этой работе. — О. Н.

² В кн.: Алтайский сборник. Т. VII. Барнаул, 1907. Перепись за 1901 г. составил Николай Баранский.

Обложка книги
воспоминаний Баран-
ского-революционера

В Барнауле, а затем и в Томске у Баранского расширились знакомства с революционерами, наладились связи с искровцами и началась нелегальная перепечатка и распространение газеты «Искра», для чего была организована типография.

Ширится круг революционной работы. Баранский становится одним из организаторов Сибирского социал-демократического союза, продолжает борьбу с эсерами, правыми социал-демократами, анархистами, черносотенцами, пишет прокламации. Руководствуясь ленинскими работами, в частности книгой «Что делать?», Баранский, не колеблясь, примкнул при расколе РСДРП на большевиков и меньшевиков к большевикам. К этому его привел весь предыдущий путь революционной работы.

Находясь то на поднадзорном, то на нелегальном положении, Баранский неизменно оставался большевиком-

ленинцем, вел пропагандистскую работу среди рабочих, передовых слоев крестьянства и интеллигенции¹. В ожесточенных спорах с идейными противниками он закалялся, мужал характером, выработав в себе черты, необходимые в борьбе словом, делом, а то и в кулачном бою.

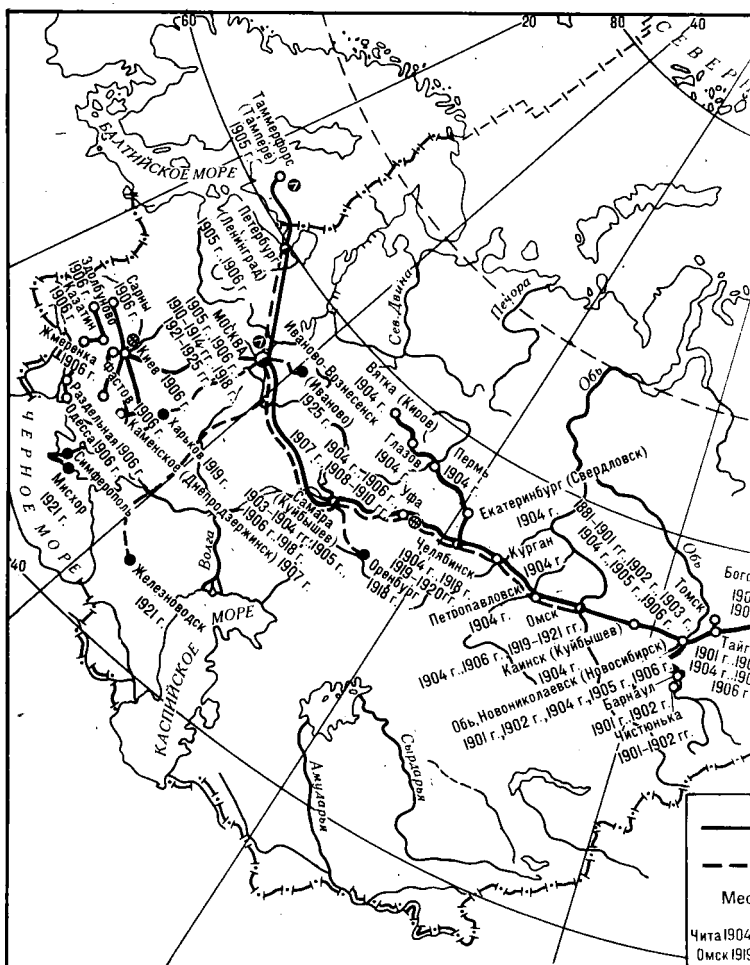
Баранский однажды рассказывал, как за ним гнался шпик. Не сумев от него уйти, Баранский вошел в первый попавшийся подъезд. Вскоре туда осторожно стал входить сыщик. Не разглядев в темноте вставшего за дверь Баранского, он вошел в подъезд и закрыл за собой дверь. Тут же Баранский обрушил на него свой мощный кулак. Шпик повалился замертво, а Баранский вышел на улицу и скрылся. Тогда же он в присутствии В. А. Рауш и автора этих строк сказал, что им написана статья «О мордобое», где приводится и этот случай. В другой раз Баранский рассказывал историю о его схватке со шпиком, которого он выбросил из вагона поезда, шедшего по Кругобайкальской дороге.

В идейных спорах Баранскому всегда помогали мгновенная реакция, умение убеждать, острое слово, убийственная для противника шутка. И все это основывалось на разносторонней эрудиции, знании мировой и отечественной истории, литературы, владении языками (он знал английский, французский, немецкий, итальянский, польский, латинский и греческий), что позволяло ему читать классиков в подлиннике и в нужных случаях приводить к слову меткие фразы, пословицы, изречения на языке оригинала².

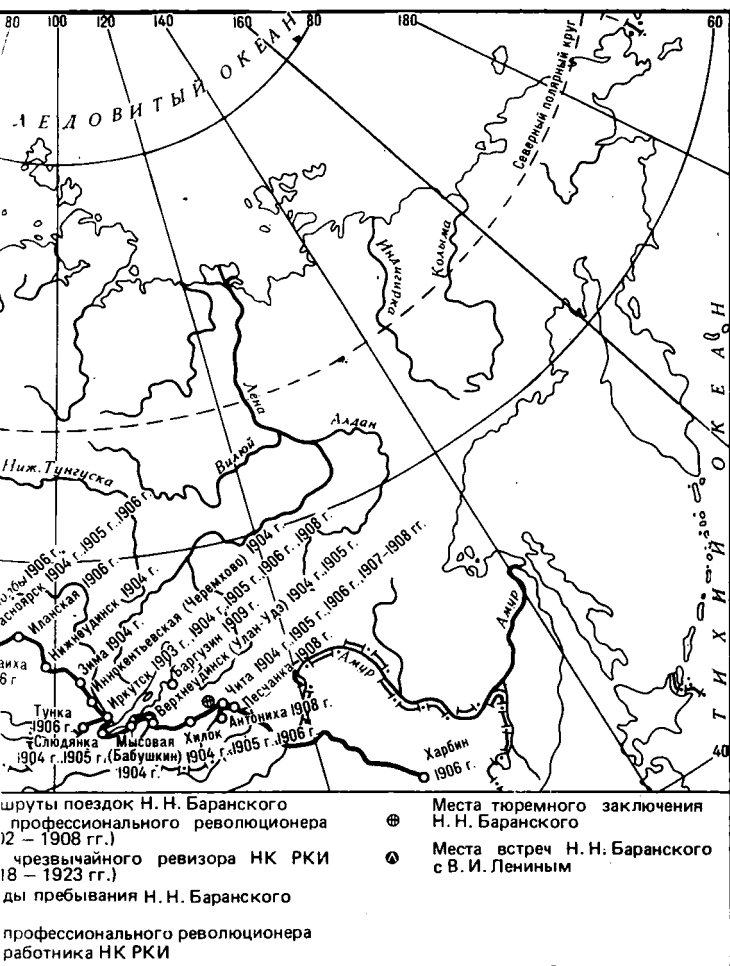
¹ Когда в 1961 г. в Актовом зале МГУ на Ленинских горах торжественно отмечали 80-летие со дня рождения Баранского, на сцену поднялась делегация старых большевиков-сибиряков — бывших работников железнодорожных мастерских, с которыми более полувека назад Николай Большой вел первые марксистские занятия в кружках. Присутствовали представители от Томска, Иркутска, Красноярска, Читы, Омска, Новосибирска, Улан-Удэ. Они горячо благодарили юбиляра за марксистское просвещение. Их трогательные выступления воодушевили сотни студентов, которые услышали живых участников революции, и среди них своего профессора.— О. Н.

² Н. Н. Баранский сам говорил, что в годы студенческого безденежья он вполне успешно преподавал латинский и даже древнегреческий язык, специалистов которого в предреволюционной России было мало. А с французского языка, которым Баранский владел в совершенстве, он читал «с открытого листа» и тут же делал устный перевод (например, таким образом он читал «Похождения Казановы»). У Баранского были также неплохие переводы стихов, например «Песни Беранже». — О. Н.

Маршруты поездок Н. Н. Баранского как профессионального революционера и ревизора НКРКИ (1902—1923 годы)

Война 1904—1905 гг., забастовочное движение, аресты, расстрелы, пропаганда среди железнодорожников и солдат — все это расширяло революционный опыт Баранского. Он закалялся в огне восстания и забастовок. Ему пришлось стать разъездным организатором, агитатором, курсирующим по заданиям партии по Сибирской магистрали от Челябинска до Читы. Беспокойная работа научила ускользать от цепких лап полиции и вместе с тем

расширяла географический кругозор Баранского: позволяла видеть в каждом новом месте иную природу, иное население, свой способ добывать средства к существованию.

В разных городах Сибири — Томске, Красноярске, Иркутске, Чите — он встречается с Ем. Ярославским, С. М. Кировым, В. В. Куйбышевым, А. И. Елизаровой-Ульяновой, М. С. Урицким и другими большевиками.

Несмотря на молодость, он уже в 24—25 лет — видная фигура в сибирском большевистском подполье.

В 1905 г. он в качестве делегата от большевиков Сибири едет на Таммерфорсскую конференцию РСДРП, где впервые встречается с В. И. Лениным, Н. К. Крупской и другими большевиками.

В 1906 г. Баранского арестовывают сначала в Уфе, где в то время жила его мать, затем в Киеве. Оба ареста были кратковременными (по несколько недель), но в 1907 г. он попадает в читинскую тюрьму, где содержится более девяти месяцев. Всего Баранский проработал в сибирском революционном подполье с 1897 по 1908 г. включительно. Интересна оценка самого Баранского особенностей революционного движения в Сибири. Она далека от географии, но Баранский, ещё не будучи географом, был к ней близок, не отрывая оценку условий революционной работы в Сибири от географических, исторических и экономических особенностей территории. Они, по его мнению, были следующие: «а) крайняя отдаленность Сибири от исторических центров страны; б) крайне слабая заселенность; в) отсутствие дворян и крепостного права; г) слабое развитие промышленности и малое число рабочих; д) Сибирь была страной ссылок и каторги, в том числе и политической»¹. Естественно, что одни из этих факторов способствовали развитию революционного движения, другие сдерживали его. Такой анализ мог сделать только географически и исторически мыслящий человек, ищущий во всех социально-экономических явлениях взаимосвязи, причины и следствия.

Период активной революционной работы Баранского уместно закончить выдержкой из статьи его друга М. К. Ветошкина, тоже профессионального революционера: «Хорошо образованный марксист, популярный лектор рабочих кружков и суровый спорщик с эсерами и меньшевиками — наш Николай Большой был душой всего сибирского социал-демократического подполья... В отличие от многих других партийных лидеров того времени Николай Большой отличался подкупающей простотой и какой-то врожденной демократичностью в обращении со всеми товарищами».

В 29 лет ему пришлось позаботиться о завершении своего образования, и в 1910 г. он поступает в Коммерческий институт в Москве (ныне Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова), который заканчивает

¹ *Баранский Н. Н.* В рядах Сибирского социал-демократического союза... 2-е изд. Томск, 1961. С. 125.

Н. Н. Баранский (стоит в центре) в группе участников семинара проф. Лунина в годы учебы в Московском коммерческом институте (1910 год)

в 1914 г.¹ Обучение у Баранского сочетается с выполнением им партийных поручений по пропаганде в рабочих кружках и «партизанскими вылазками» против тех профессоров, которые держались консервативных убеждений и методов обучения. Споры с ними, каверзные вопросы («вспарывание животов», как назвал это занятие Баранский) помогали разоблачению рутин и способствовали объединению вокруг Баранского студентов с прогрессивными взглядами, убеждениями.

Во время первой мировой войны Баранский работает в Земгоре (Комитет земского и городского союзов), созданном в 1915 г. для помощи в снабжении армии.

Февральская и Октябрьская революции застают Баранского в Москве.

¹ Н. Н. Баранский неоднократно с гордостью говорил, что именно в эти годы, занимаясь в семинаре на факультете банковского дела и изучая материалы Германского имперского банка, он почти точно предсказал неизбежность начала первой мировой войны именно летом 1914 г. между коалицией Тройственного союза и Антантой. Он еще тогда как бы предвосхитил и применил на практике ныне широко распространенный метод исследования — контент-анализ.—О. Н.

Глава 2

Путь в науку

Чтобы лучше понять Баранского как экономико-географа и педагога, необходимо познакомить читателя с дорогой жизни ученого, приведшей его (отчасти неожиданно для него самого) к экономической географии, к методике ее преподавания.

«Если бы Николай Николаевич не создал и не провел в жизнь новой концепции науки, то наша география в целом и экономическая география в частности были бы отброшены далеко назад и советская география не занимала бы в настоящее время одного из ведущих мест в мировой географической науке. Об этом не раз говорили Л. С. Берг, А. А. Борзов, Б. Б. Польшов и другие крупнейшие наши географы, с большой благодарностью вспоминая научный подвиг Николая Николаевича»¹.

На основе экономического учения Маркса — Энгельса, трудов Ленина, решений партийных съездов (особенно по электрификации и госплановскому районированию страны, по пятилетним планам) он разработал теорию районного направления в экономической географии. Экономическая география из описательной и номенклатурно-познавательной дисциплины, какой она была до него, превратилась в конструктивную науку со своими закономерностями и методами исследования. Первое место заняло диалектико-материалистическое объяснение природных условий, понимание роли географической среды в жизни общества.

Школьную географию Баранский рассматривал как важнейшее средство повышения знаний и культуры молодежи, воспитания у юношей и девушек высокого гражданского чувства любви к Родине.

---

¹ Из вступительной статьи Ю. Г. Саушкина к книге «Николай Николаевич Баранский (1881—1963)». М., 1971. С. 21.

После Октябрьской революции Баранский работает в ВСНХ, изучает на местах (в качестве чрезвычайного ревизора) ход восстановления промышленности в Самаре, Киеве, Оренбурге, Челябинске, затем заведует экономическим отделом Сибревкома, назначается членом коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ). Работа в РКИ особенно обогатила его опытом. Наверное, поэтому позднее на лекциях или в разговоре он часто вспоминал РКИ (особенно в случаях бюрократизма). При этом он начинал так: «Когда я работал в РКИ...» или «Я старый эркаист, меня не проведешь». Какими же путями «старый эркаист» пришел к экономической географии? Об этом он писал в своих воспоминаниях¹.

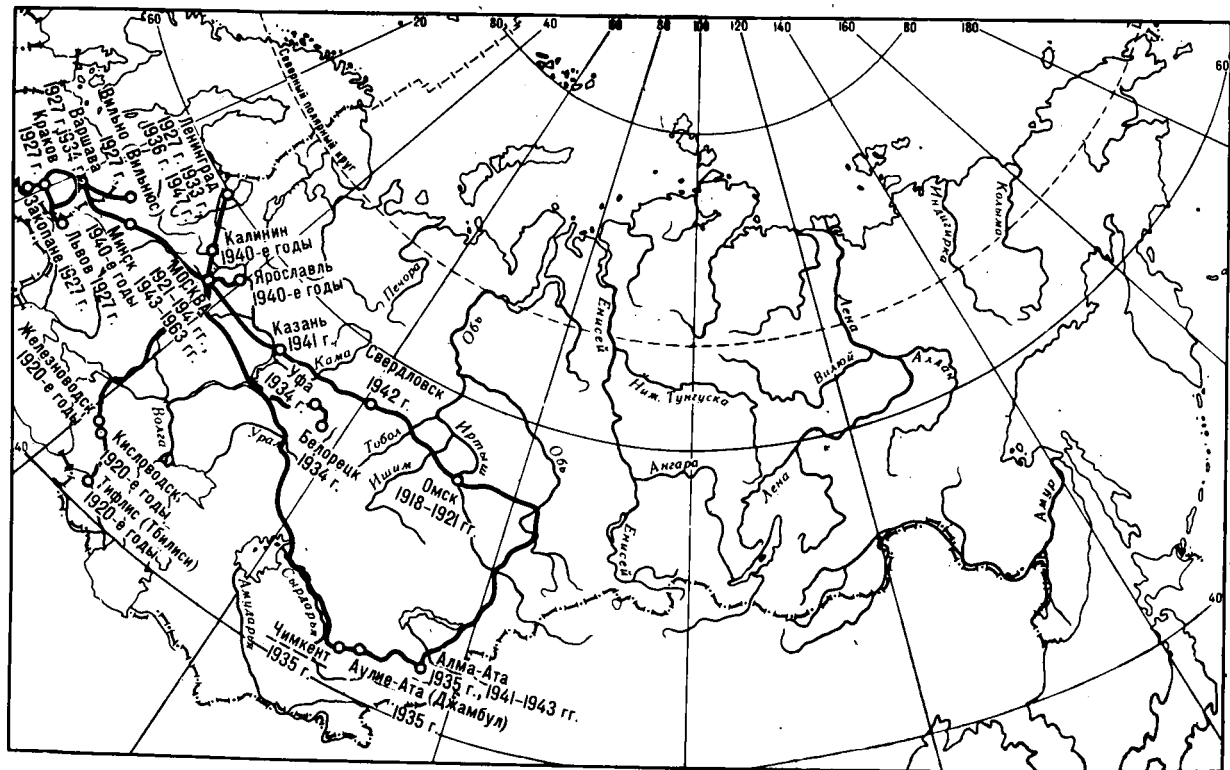
К экономической географии его привела сама жизнь со свойственными ей случайностями, непредсказуемыми обстоятельствами. Это как и занятие статистикой хозяйства на Алтае в начале века, и поездки с партийными поручениями в 1903—1908 гг. от Киева через Самару, Уфу, Челябинск до Читы и Харбина, и командировки по делам ревизии после 1918 г., и громадный масштаб и неоднородность страны, разительные перемены «от места к месту» природы, уклада жизни людей. Желание понять причины, формы и последствия этих различий могло привести его к экономической географии. Но это было лишь предпосылкой будущей научно-педагогической деятельности.

Влечение Баранского к географии не объясняется влиянием отца, который, преподавая литературу и географию, увлекался только русской литературой, а к географии относился холодно. Баранский не считал также, что к экономической географии его привели лекции, прослушанные в Коммерческом институте, где он предпочитал вместе со студентами-единомышленниками спорить с профессорами, «подсиживать» их каверзными вопросами. Ни к предмету, ни к профессорам он не испытывал уважения, увлекаясь в тот период математической статистикой. К географии же он пришел иным путем.

Привлеченный Н. К. Крупской, он начал преподавать экономическую географию в 1918 г. на Пречистенских рабочих курсах в Москве. Кроме того, ему приходилось выступать с докладами на экономико-географические те-

---

¹ См.: Баранский Н. Н. Моя жизнь в экономической географии (Отрывок из воспоминаний)//География в школе. 1964. № 1.

Маршруты поездок П. Н. Баранского как экономико-географа (1918—1947 годы)

мы в рабочих клубах. После лекций и докладов в аудитории возникали вопросы по конкретным и наиболее проблематичным вопросам повседневной действительности. Рабочие спрашивали: «Почему раньше было все — мясо, хлеб, дрова, ситец, — а теперь этого нет?» Лекции о размещении производства в России давали прямой и ясный ответ. Если уголь находится в Донбассе, хлеб и мясо — на Украине, в Сибири, нефть — в Баку, хлопок — в Средней Азии, значит, нужно отвоевать эти районы у контрреволюции, восстановить разорванные связи, соединить базы сырья и продовольствия с центрами их переработки и потребления, т. е. с Центральным промышленным районом и Петроградом. Так было положено начало перехода от прежней пропаганды марксизма к политической культурно-просветительной работе на конкретном экономико-географическом материале. Так возник и первый конспект основных тем курса экономической географии.

Позднее, работая в Омске в статистическом управлении, он также одновременно читает лекции по экономической географии в Сибирской высшей военной школе и еще в сибирской партийной школе. На лекциях он пользуется самодельными картами. В один из приездов в Москву, встретившись с Н. К. Крупской, он увидел, что она заинтересована в изучении местных порайонных различий в экономике и культуре. Выпускникам Академии коммунистического воспитания и Политпросветинститута она давала поручение составить «паспорта» тех губерний, куда они распределялись на работу. Вопросник «паспортов» о природе, истории, населении, хозяйстве, культуре составил по ее поручению Баранский. Учет порайонных различий, их роль в развитии района (губернии), связи со всей страной стали исходными принципиальными вопросами, которыми начал заниматься Баранский. Внутренние порайонные различия явились для него краеугольным камнем экономической географии.

Вызванный в 1921 г. из Сибири на постоянную работу в Москву, Баранский был назначен членом коллегии НК РКИ. Одновременно он читал лекции по экономической географии в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. С докладами и лекциями там выступали видные деятели партии, в том числе В. И. Ленин.

«Свердловка» тех лет представляла собой совершенно особую по составу слушателей аудиторию. Это были не школьники и не студенты, а умудренные жизнью, зрелые

люди, прошедшие через горнило гражданской войны и уже успевшие набраться опыта в руководстве по восстановлению хозяйства. Они горячо и заинтересованно обсуждали принципы и практику экономической жизни страны, развитие промышленности и сельского хозяйства с позиций эффективности, технической оснащенности, рационального размещения. Последний вопрос особенно сближал лектора и слушателей, вызывал горячую полемику.

В этой увлеченной практическим делом аудитории шли поиски нового, рождались интересные идеи, концепции. Тогда же, по свидетельству Баранского, сложился его основной курс экономической географии и изначально сформировался сам Николай Николаевич как экономико-географ. Появились и первые ученики и сотрудники кафедры — Морозов Н. В. и Юньев И. С. В конце 20-х гг. появились первые аспиранты в географической секции Института экономики РАНИОН¹: Богорад Д. И., Лазарев Н. И., Покшишевский В. В.

Поняв свое призвание к научной и преподавательской работе по экономической географии, Баранский просит разрешения перейти полностью к педагогической деятельности, но получает отказ наркома РКИ И. В. Сталина. При попытке Баранского отстоять свое предложение от Сталина последовало резкое предупреждение, что при повторении просьбы он будет «выгнан из партии».

В 1922 г. у Баранского состоялся разговор с В. И. Лениным по поводу предполагавшегося назначения заместителем наркома РКИ. Баранский решительно отказался, мотивируя отказ тем, что хотел бы заниматься преподаванием экономической географии и уже пишет учебник. Ленин спросил: «А конспект у вас есть?» Баранский ответил: «Да, есть!» Владимир Ильич, подумав, сказал: «Ну что же, тогда это серьезно»². Но уйти из РКИ Баранскому удалось лишь в 1925 г., когда наркомом РКИ стал В. В. Куйбышев.

В период работы в «Свердловке» и позже Баранский получал различные поручения отдела пропаганды ЦК РКП (б) по составлению программ, рецензированию методических пособий, учебников и разных книг по эконо-

---

¹ РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1920—1930 гг.). — *Прим. ред.*

² Баранский Н. Н. Моя жизнь в экономической географии...// География в школе. 1964, № 1.

мической географии. Критическое рассмотрение этих работ, планов, пособий и других материалов способствовало выработке у него собственных критериев, взглядов на предмет и его преподавание. Этот период завершился составлением учебника по экономической географии СССР для комвузов.

Это была его первая большая работа по экономической географии, законченная весной 1924 г. Она была написана им еще так, как он уже привык читать лекции, — в традиционном отраслевом направлении. Завершив работу, автор не был удовлетворен результатом. Шаблонное повторение старых и новых материалов в духе основательно прочитанных трудов В. Э. Дена, И. Г. Борисова, П. Г. Тимофеева — тогда столпов отечественной отраслевой экономической географии, хождение по накатанной ими отраслево-статистической дорожке тяготило и отвращало. А тут еще давило сознание, что есть госплановская методология районирования, получившая признание партийных кругов и передовой части советской интеллигенции, особенно экономистов. Помучившись некоторое время, Баранский засел за переработку, а по существу за составление нового учебника, в котором четко обрисовывалась иная методология, присущая госплановскому районированию. Она определяла расположение материала в иную систему, облегчала генерализацию фактов, выявление внутренних и порайонных различий, освобождала от погони за конъюнктурными данными, привлекательными новизной, но не дающими глубоких знаний.

Учебник для комвузов получился. Написанный за три месяца (при работе по 14 часов в сутки!), он оказался, по мнению самого Баранского, наиболее удачным из всех его последующих учебников благодаря методологической цельности, новизне системы изложения в отраслевом и районном направлении. Вероятно, сыграло свою роль и то, что тогда учебники писались без строгого ограничения объема и без оглядки на часы, отведенные программой. Так что автор мог «выговориться» подробно. А как известно, детали помогают не «засушить» учебник, сделать его интересным. Но главное то, что в этой работе Баранский от описания приходит к характеристике и кладет начало своим концепциям о географическом разделении труда, экономико-географическом положении, отношении к природной среде, районном направлении в

Н. БАРАНСКИЙ

Первый учебник
Н. Н. Баранского
(для рабфаков
и совпартшкол)

КРАТКИЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

**ВЫПУСК
ТРЕТИЙ**

**ОБЗОР СССР
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ОБЛАСТЯМ**

**В ГИЗ МОСКОВСКИХ РАЙОНОВ,
1931**

экономической географии, роли внутренних различий. Н. Н. Колосовский — крупнейший знаток госплановского районирования — называл этот учебник новаторским. Он считал, что автор сделал важный шаг к разработке коренных проблем экономической географии¹. Учебник был издан в 1926 г. и несколько раз переиздавался.

В 1928—1931 гг. Баранский издает (теперь уже для совпартшкол) «Краткий курс экономической географии» в трех выпусках (при участии Л. Д. Сеницкого, написавшего очерки о важнейших иностранных государствах). Этот учебник, хотя и выдержал пять изданий, не принес автору удовлетворения от проделанной работы. Видимо, это можно объяснить тем, что учебник был написан с необходимыми ограничениями в объеме и системе изложения. Он отвечал требованиям программы, отведенным

---

¹ См.: Колосовский Н. Н. Семидесятилетие Николая Николаевича Баранского // Вопросы географии. 1951. Сб. 27.

часам, уровню подготовки слушателей совпартшкол, но был суше.

Работа над учебниками для комвузов и совпартшкол была для Баранского своего рода школой постижения методологических, методических и фактологических основ экономической географии. Она проходила в период творческого подъема Баранского, роста его научного авторитета.

В конце 1925 г. главный редактор Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) О. Ю. Шмидт пригласил Баранского в Государственный научный институт «Советская энциклопедия». Баранский стал заведовать отделом географии. Вначале сам писал статьи, но потом начал привлекать к работе и других авторов, особенно из союзных и автономных республик.

Овладевая стилем энциклопедических статей и разносторонними знаниями, Баранский изучал материалы по физической географии, истории географических открытий, географии капиталистических стран, антропогеографии (позднее она превратилась в географию населения). Работа над БСЭ обогатила Баранского разносторонними знаниями. Постигая самостоятельно основы многих наук, составляющих географию, Баранский в то же время видел недостаточное распространение географических и картографических знаний в своей стране.

Работа в БСЭ привела его к мысли о географии как о комплексной науке. Им были выдвинуты два важных предложения: издать «Большую географию СССР» (описание нашей страны по её крупным районам) и Большой советский атлас мира. Оба эти начинания спустя много времени были осуществлены, но по разным причинам почти без участия их инициатора, хотя в свое время Баранский выступал с докладами, планами подготовки изданий и первоначальными проспектами намечавшихся им томов¹. Многие идеи Баранского были развиты и реализованы его учениками и последователями, хотя, может быть, и не во всем так, как представлял себе первоначально сам Баранский.

---

¹ Это не совсем точно: о Большом советском атласе мира Баранский говорил в своем докладе на Географическом конгрессе в Варшаве в 1934 г., а в «Синей серии», издававшейся в 1950—1960-х гг. издательством «Мысль» и Институтом географии АН СССР, в которую фактически «вылилась» «Большая география»; под его общей редакцией вышел один из первых и лучших томов — «Казахская ССР». — О. Н.

В БСЭ Баранский часто общался с такими видными географами, как А. А. Борзов, И. А. Витвер, Э. М. Давыдов, В. А. Каменецкий, Н. Н. Колосовский, И. П. Магидович, Л. Д. Синицкий, с картографом А. А. Ульяновым и другими учеными¹. Баранский никогда не умалял значения разных ветвей географической науки и, оставаясь специалистом по экономической географии, став ее главой и первооткрывателем районного направления, не поправлял тех, кто называл его просто географом. В поле его интересов были: теория экономической географии, история географии, география населения, экономическая картография, методика преподавания географии.

Заслуживает быть отмеченным важный этап в жизни Баранского (1927—1940 гг., с перерывом) — работа на кафедре экономической географии во 2-м МГУ (позже преобразованном в Педагогический институт им. В. И. Ленина). Кафедру возглавлял высокообразованный С. В. Бернштейн-Коган, объединивший прогрессивных профессоров старшего возраста — А. А. Рыбникова, В. А. Каменецкого, Л. Д. Синицкого, М. И. Силищинского, а из молодых — И. А. Витвера, Н. П. Никитина, П. Н. Степанова, В. М. Четыркина.

Дружная и доброжелательная атмосфера на кафедре во 2-м МГУ способствовала углублению и укреплению у Баранского методологических основ экономической географии. Особенно полезны были споры по теоретическим вопросам, когда слабость аргументов противника позволяет утвердиться в собственной позиции, а сильные доводы оппонента — критически оценить свои взгляды.

Работа в БСЭ и на кафедре во 2-м МГУ способствовала сближению с В. А. Каменецким на почве взаимного увлечения картографией. Для Баранского это был период овладения основами картографической науки, формирования собственного понимания основ экономической картографии, опытов составления комплексных (синтетических) карт, генерализации картографических данных. Сблизился он также с Л. Д. Синицким на почве общего понимания географии².

---

¹ Так, спустя несколько десятилетий, вспоминая А. А. Ульянова, Баранский с восторгом говорил, что тот был неподражаемым мастером составлять для БСЭ очень наглядные красивые и изящные по подбору цветов и шрифтов карты. «По типу таких карт хоть ткани для модниц выпускай!» — восклицал он. — О. Н.

² Дружба с профессором Синицким была так глубока, что Ба-

В 1929 г. группа студентов географического отделения физико-математического факультета 1-го МГУ — Б. М. Левин, А. И. Соловьев, В. И. Сурин и др. — пригласила Баранского читать лекции по экономической географии. Это было в духе того времени: студенческая организация, особенно комсомол, обладали реальной силой, занимали командное положение в научно-организационных вопросах.

Упомянутое географическое отделение помещалось в левом крыле старого здания университета на самом верху и именовалось «географическим чердаком». Среди профессоров самой авторитетной фигурой был А. А. Борзов, пользовавшийся уважением как у студентов, так и у профессоров. Он подкупал своей эрудицией (любимый ученик Д. Н. Анучина), прогрессивностью взглядов, желанием идти в ногу с жизнью, доброжелательностью и покладистым характером. С ним успешно работали М. С. Боднарский, С. Г. Григорьев, Б. Ф. Добрынин, И. С. Шукин. Были и другие профессора, но они казались отставшими от современной жизни, застывшими в прошлом, не нашедшими контакта со студентами. На «географическом чердаке» читали лекции географы А. С. Барков, Л. Д. Сеницкий, С. В. Чефранов, работавшие в других местах. Желанным гостем был Ю. М. Шокальский, приезжавший иногда из Ленинграда.

Баранский согласился перейти в 1-й МГУ. Вскоре он возглавил там новую кафедру экономической географии, а из студентов-выпускников стал набирать кандидатов в аспирантуру. Так было положено начало подготовке специалистов экономико-географов. Ведь его прежние слушатели — учащиеся комвузов и совпартшкол — по окончании учебы расставались и с экономической географией. Их ждала партийная, хозяйственная работа. А студенты, аспиранты были в большинстве своем единомышленниками и продолжателями дела своего учителя.

Вскоре Баранский и Борзов добились создания географического факультета в 1-м МГУ. При этом были образованы две кафедры — физической географии и экономической географии.

Совместная работа и широкое общение с представи-

Баранский даже назвал своего младшего сына Леоданом (родился в 1929 г., ныне геофизик), используя начальные слоги имени и отчества Сеницкого — Леонтий Данилович (в 20—30-е годы словотворчество и имятворчество были в большом ходу). — О. Н.

телями старой интеллигенции показали Баранскому, какие они разные по умонастроению. Среди них выделялись передовые высокообразованные специалисты, близкие Баранскому по образу мышления, но пассивные. Впоследствии, критически оценивая собственную позицию и мнение партийных единомышленников в отношении к интеллигенции, Баранский замечал, что они были не вполне объективными. Составить верное суждение мешали горячность и огульность.

Баранский хорошо знал задачи построения новой экономики в СССР, владел огромным фактическим материалом по экономической географии нашей страны и зарубежных стран. Все знания, усвоенные и переработанные с позиций материалистической диалектики, он новаторски воплощал в лекциях, статьях, учебниках, атласах. Но утверждению принципиально новых научных идей мешали старые представления и методы, прежде всего отраслево-статистическое направление в экономической географии. И Баранский «полез в драку» с рутинной экономической географией, доживавшей свой век в отрыве от жизни, прежде всего от госплановского районирования страны, разработанного на основе ленинского плана электрификации России.

Выразителем и теоретиком отраслево-статистического направления в экономической географии был в те годы в России профессор В. Э. Ден, к которому примыкали его последователи (например, М. Б. Вольф, Г. А. Мелбус). Они не признавали позиции Баранского, доказывавшего, что важнейшая задача экономической географии страны (особенно такой огромной, как Россия) состоит не только в познании среднестатистических величин, но прежде всего в выявлении всех типичных явлений и особенностей разных территорий, свойственных им различий, обусловленных многими естественными факторами, историей заселения, современным характером хозяйства, трудовым потенциалом, экономическими связями со страной, для которой данная территория специализируется на производстве конкретного продукта, который в другом месте производить невозможно или экономически невыгодно.

Позиция Баранского и его единомышленников была принципиально новой, сметающей с дороги отжившие взгляды отраслево-статистической экономической географии. Они утверждали, что нужен порайонный подход к

пониманию хозяйственной жизни всей страны и ее частей. Это не исключает краткого общего, в том числе и отраслевого, рассмотрения всего хозяйства страны или района. Эта позиция была равносильна революции в экономической географии.

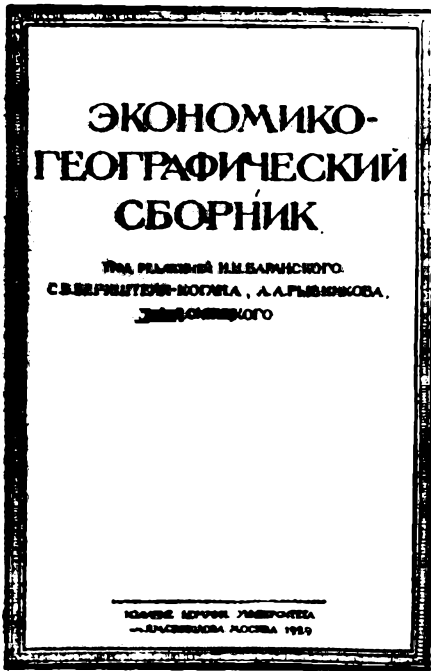
В 1926 г. в докладе на конференции преподавателей экономических дисциплин в совпартшколах Баранский убедительно показал, что отраслево-статистическое рассмотрение хозяйства страны продолжает дело, начатое немецкой камеральной статистикой, возникшей в начале XVIII в. в силу определенных потребностей феодального полицейского государства. Тогда нужно было знать где, что и сколько находится. А в конце XIX в. профессор Ден писал в методологической части своего учебника: «Хозяйственная история изучает хозяйственную жизнь в прошлом, а хозяйственная география — в настоящем». То же самое по смыслу, но несколько иными словами писали до него немецкие статистики 150 лет назад. Естественно, что такая наука не могла ответить, почему данное производство находится здесь, а не в другом месте, на какие природные и экономические ресурсы оно опирается. При таком подходе не было представления и о роли и эффективности географического положения данного производства, о роли сочетания факторов, необходимых для дальнейшего развития хозяйства, о перспективах его роста и размещения.

Отжившее направление в науке не могло участвовать в поисках путей реконструкции районов СССР средствами средних количественных показателей, не подкрепленных данными физической (особенно ресурсной) географии, истории хозяйственного развития, экономики с ее местными различиями, без активного использования карты.

При всей важности перехода к районной экономической географии борьба за нее прошла на конференции хотя и без явного сопротивления сторонников отраслево-статистического направления, но рецидивы его (из-за косности мышления) впоследствии время от времени возникали. Это выражалось в попытках и районы рассматривать как совокупность отраслей, взаимно ничем не связанных между собой¹.

¹ Баранский неоднократно подчеркивал, что «отраслевники» умудряются и районы описывать по отраслям, а надо и отрасли характеризовать в «районном разрезе». — О. Н.

Первая научная книга, отредактированная Н. Н. Баранским

Важным этапом утверждения основополагающих идей Баранского в экономической географии было Всероссийское совещание по вопросам географии весной 1929 г. На этом совещании выступали и сторонники, и противники отраслевой экономической географии. Как участник совещания Баранский выступал с докладами о географическом разделении труда и об экономико-географическом положении, получившими большой резонанс. Ближайшим результатом совещания было признание районного направления. Его идеи вскоре были учтены при составлении программ по географии для средней и высшей школы. Работа совещания совпала с выходом в свет «Экономикогеографического сборника», в котором были напечатаны статьи участников совещания, в том числе доклад Баранского о географическом разделении труда.

Конец 20-х — начало 30-х годов было временем расцвета научного и педагогического таланта Баранского. Новые идеи особенно активно воспринимала учащаяся

молодежь. Его лекции слушают в Промакадемии, в Институте красной профессуры, а также в Институте мирового хозяйства, в Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП (б), в Высшей партийной школе, в Коммунистической академии. Но основным местом работы, лабораторией научных идей, экспериментов был для Баранского географический факультет МГУ, хотя он не порывал своих связей с пединститутом. И где бы он ни работал, он всюду находил единомышленников. Некоторые из ученых под влиянием Баранского «переучивались» в экономико-географов. К ним надо отнести историка И. А. Витвера, политэконома Р. М. Кабо, историка и этнографа Н. И. Ляликова, экономистов Госплана Н. Н. Колосовского, Н. П. Никитина, Г. Н. Черданцева, В. М. Четыркина, В. И. Лаврова. Все они обогатили теорию и практику экономической географии оригинальными трудами, написали курсы лекций для вузов, учебники для средней школы.

Баранского окружали талантливые ученики. Может быть, это происходило потому, что люди ленивые, с ограниченными научными интересами, с необоснованными претензиями на лидерство и посты в науке около него не задерживались. Кто хотел с ним работать, тот понимал, что избранному делу надо посвятить себя целиком. Так вокруг Баранского формировался стряд советских географов, ставших со временем известными учеными в разных областях географии. Они-то и образовали школу Баранского, продолжая и развивая его научные идеи.

Некоторые из его учеников ушли из жизни слишком рано. Баранский с горьким сожалением говорил о безвременной кончине Б. М. Каминского и вспоминал о нем как о работоспособном и талантливом экономико-географе советской формации. Потеря Каминского была тем более чувствительна, что она произошла в начале 30-х годов, когда пришедшая к Николаю Николаевичу в МГУ молодежь еще не оперилась, а примкнувшие к нему географы старшего поколения хотя и разделяли его научные взгляды, но, при всех своих достоинствах (знания, общая культура, прогрессивность взглядов, неспособность к недружелюбным актам), не отличались боевитостью, не вступали в борьбу с критиками Баранского (тем более что иные из них и сами подвергались проработке со стороны тех, кто предпочитал все низвергать и всех подозревать в антимарксизме).

Н. Н. Баранский с группой своих учеников (1933 год)

В начале 30-х годов вокруг Баранского образовалась сильная группа молодежи. Это были люди, которые, окончив в своем большинстве географический факультет МГУ, пришли вновь к Баранскому в аспирантуру. То были аспиранты «первого призыва». Они формировались как ученые в сложных условиях начавшейся «проработки Баранского» и одновременно его взлета как ученого-новатора и признания его научных идей на самом высоком партийном и государственном уровнях.

Именно университетские аспиранты «первого призыва» явились надежными продолжателями его учения и внесли много новых идей в разных направлениях экономической географии. Преданные учению Баранского, они были и верными сынами Родины в годы Великой Отечественной войны. Одни из них ушли добровольцами в ополчение и сражались с оружием в руках, другие участвовали в экспедициях по мобилизации природных и экономических ресурсов для обороны страны. По окончании войны оставшиеся в живых вернулись к научной и пре-

подавательской работе. Со временем они стали кандидатами и докторами наук, профессорами, тоже обзавелись учениками.

Отдадим должное тем, кто оправдал надежды Учителя. Это В. А. Анучин, Н. Н. Баранский (сын), О. А. Воронцова, В. М. Гохман, Л. Е. Иофа, А. Г. Кауфман, В. П. Коровицын, И. М. Маергойз, С. Н. Рязанцев, Ю. Г. Саушкин, П. В. Симонов, Т. А. Соловцова, А. И. Соловьев. Из более молодых (ныне покойных) учеников назовем К. П. Космачева и безвременно ушедшего А. А. Минца. Они оставили книги, статьи, тезисы докладов. Особенно много сделано Ю. Г. Саушкиным в развитии и углублении учения Баранского, в популяризации имени и научных взглядов Учителя.

Немало бывших студентов и аспирантов географического факультета — учеников Баранского последующих поколений — работают ныне в вузах, институтах, проектных и плановых учреждениях нашей страны. Это, например, М. К. Бандман, В. С. Варламов, Н. Н. Казанский, Л. Н. Карпов, О. А. Кибальчич, Ю. В. Ласис, Е. Е. Лейзерович, Г. В. Сдасюк, М. И. Скляр.

Что же способствовало быстрому взлету Баранского в науке, превращению менее чем за десять лет «старого эркаиста» в главу советской экономической географии?

Баранский оказался именно тем человеком, в котором неповторимое сочетание обстоятельств создало сплав, необходимый для формирования ученого-новатора на раннем этапе развития советской науки. Борьба в рядах большевистской партии укоренила в нем постоянную нацеленность на борьбу с рутинной, со всем, что отжило. Усвоение в молодости основ марксизма и ленинских идей, диалектического материализма стало прочной базой научного мышления. А опыт работы в РКИ приучил к активной борьбе с пережитками, выработал готовность утверждать новое, прогрессивное. Лекции в комвузе, партийных школах, на курсах показали государственную необходимость обучения широких масс населения основам экономической географии. Кстати, в первое десятилетие Советской власти она преподавалась всюду — от комвузов до медицинских курсов.

Разговор с В. И. Лениным, как он ни был краток, окончательно убедил Баранского в правильности избранного им пути в науку. Первый учебник помог ему аккумулялировать знания и укрепил в методологии научных

Сотрудники кафедры экономической географии МГУ. Слева от Н. Н. Баранского П. Н. Степанов, справа Н. Н. Колосовский (начало 30-х годов)

взглядов и в методах изложения. Не прошли бесследно и жадная тяга к самообразованию, встречи с представителями старой интеллигенции, искусственными в разных областях географии и обладавшими большой общей культурой, специальными и смежными с географией знаниями.

Наконец, возраст. Когда Баранский написал свой первый учебник по экономической географии, ему было 43 года. А к 50 годам он был уже известен в стране всюду, где изучалась, преподавалась или просто упоминалась экономическая география и экономическая картография. Для Баранского это были годы научной зрелости, расцвета духовных сил и овладения высотами науки, которой он творчески служил еще несколько десятилетий.

Тридцатые годы были для Баранского не только годами признания его научных заслуг, но и началом «проработки» его в печати, острой, не во всем справедливой по существу и, безусловно, незаслуженной им по тону и выражениям. Критика шла со стороны молодых экономистов и экономико-географов, пришедших от политэкономии и экономполитики к новой по существу науке. Время для этого было удобное и, более того, объективно

обязывало их взяться за критическое оружие для ниспровержения авторитетов. В других науках, особенно социально-экономических, такая «война» уже шла, и она, как это нередко бывает, подхватила и повлекла за собой экономическую географию.

И такие экономисты и экономико-географы, взявшись за развитие теории, ополчились на буржуазную науку и ее теоретиков, а заодно и на географию, которой зарубежные и некоторые русские ученые, особенно антропогеографы, придавали роль фактора, якобы всецело определяющего развитие экономики, культуры. Не поняв истинной роли природной среды, опасаясь впасть в «географический фатализм», многие молодые экономисты отвернулись от географии как науки и от окружающей природной среды как естественного условия, в известной мере определяющего характер общественного производства. (Надо сказать, что в 30-х годах еще не был опубликован 42-й том Сочинений Маркса и Энгельса, куда вошли работы о взаимоотношении общества и природы.)

Маркс писал: «Природа есть *неорганическое* тело человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы»¹.

В своем понимании роли географии в общественном развитии, в ее взаимоотношении с человеком Баранский был много ближе к идеям Маркса, чем его оппоненты².

Общественная критика на теоретическом фронте вызывалась борьбой с идеалистическими, буржуазными взглядами и вытекающими из них ошибочными выводами о путях развития советского общества и его науки. Необходимость в такой борьбе, в противопоставлении реакционным учениям марксистско-ленинских концепций никогда не снималась с повестки дня. В зависимости от обстоятельств накал борьбы на идеологическом фронте то разгорался, то ослабевал. Но в пылу острой полемики, как это, к сожалению, бывает, пускались в ход недозволенные средства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 92.

² Например, В. Ф. Васютин, Я. Г. Фейгин, Л. И. Гурвич.—О. Н.

Для географов действительно существовала известная опасность скатиться в вульгарный материализм по примеру некоторых зарубежных ученых XIX в. (К. Риттер, Э. Реклю, Ф. Рихтгофен и др.) и отдельных русских историков и географов, объясняющих некоторые черты русского общества равнинностью рельефа и спокойным течением рек. Баранский на основе трудов Маркса, Энгельса, Ленина показал, что основоположники марксизма-ленинизма не отрицали роли географической среды в развитии общества, хозяйства, но и не придавали ей определяющего социального развития значения. Ее влияние происходит через производительные силы и производственные отношения, в зависимости от которых природа в большей или меньшей степени участвует в хозяйственной жизни общества. Критики Баранского, боясь власть в методологические ошибки, начисто исключали физическую географию из экономической географии, порвав тем самым с окружающей природной средой, хотя она является необходимым условием развития общества.

Кроме того, критики осуждали Баранского за участие в переводах на русский язык книг зарубежных ученых-географов, особенно Вебера, Геттнера, Тюнена. Правда, книгам были предпосланы предисловия Баранского, в которых автор давал объективную оценку трудам, в частности объяснял, в чем состоит его несогласие с учеными, критиковал отдельные положения. Полемисты проходили мимо этого, навязчиво утверждая, что Баранский пропагандирует буржуазные идеи.

Кроме обвинений Баранского в геттнерианстве его упрекали в отнесении экономической географии к географическим, а не к социально-экономическим наукам, в ошибочной трактовке взаимоотношений общества и географической среды, в противопоставлении географического разделения труда международному разделению труда.

Первый «выстрел» в Баранского был сделан в 1931 г. В статье Л. И. Гурвича после критики ряда учебников 20-х годов по географии, где по-старинке хозяйственная и общественная жизнь народов объяснялась преимущественно природными условиями, автор переходит к проработке Баранского: «Баранский стоит в основном на марксистских позициях, но тем не менее у него имеется ряд грубых ошибок...» Он «нередко отрывает производительные силы от производственных отношений, что

дает неправильную оценку роли природы»¹. В чем это выражается — конкретных примеров нет. Как известно, с «критикой», имеющей характер приговора, спорить невозможно. Что же касается методологических позиций самого автора, то о них можно судить по такому утверждению в той же статье: «Природа вообще, безотносительно к определенным историческим формациям, не существует»². Трудно понять этот методологический сумбур. То ли, какова природа, таково и общество, то ли, каково общество, такова и природа?

Новый выпад в печати против Баранского (а заодно и против тех, кто работал с ним на кафедрах экономической географии в 1-м и во 2-м МГУ) был сделан в 1932 г. в сборнике по методологическим вопросам экономической географии. Обвиняя Баранского в геттнерианстве, сопоставляя цитаты из Маркса с цитатами из работ Баранского, автор критической статьи М. П. Богданчиков делает такой вывод: «Таким образом, в важнейших вопросах экономической географии Баранский стоит на позициях, враждебных марксизму-ленинизму»³. Баранский со своей стороны обвинял критиков в нигилизме (отрицании всякого значения географической среды и самой географии) и «левачестве». Критика, не всегда добросовестная, не поколебала позиций Баранского, но все же задевала огульностью, бездоказательностью, развязностью выражений. Резкая критика была в духе того времени; критика «невзирая на лица» превращалась иной раз в грубую брань, «прокурорские» речи, в запугивающие политические оценки с навешиванием «ярлыков». Poleмика осложнялась тем, что критики подчас не печатали свои научные труды; они ограничивались выступлениями о состоянии и задачах экономической географии, статьями о ее предмете, рецензиями. Они выступали в роли судей, преследуя цель, по выражению Баранского, «подвести под статью» критикуемого автора.

В обстановке ожесточенной критики возникло, как тогда говорили, «бесплодное направление в географии», выражавшееся в огульном охаивании научных работ, при

---

¹ Гурвич Л. И. На методологическом фронте географии//На фронте коммунистического просвещения. 1931. № 4—5. С. 57—65.

² Там же. С. 60.

³ Богданчиков М. П. Задачи экономической географии на современном этапе//На методологическом фронте географии и экономической географии. М.: Л., 1932. С. 18.

этом критики уклонялись от публикации собственных работ позитивного характера.

Неравная борьба шла до тех пор, пока сторонники «бесплодного направления в географии» не сменили критическое перо на творческое. Желая утвердить свои научные взгляды в экономической географии, они издали несколько учебников.

Это: 1) «Экономическая география. Учебник для рабфаков, совпартшкол и педтехникумов. Вып. I. Капиталистический мир». Учпедгиз, 1931; Вып. II. СССР. Учпедгиз, 1932. Оба выпуска подготовлены бригадой аспирантов Ленинградского государственного университета под редакцией М. Минускина и К. Полеесса;

2) *Богданчиков М. П., Большаков И. Г. и др.* География капиталистического мира. Для 7 г. ФЗС и ШКМ. Учпедгиз, 1931;

3) Экономическая география капиталистического мира. Под редакцией В. М. Вольпе и Н. К. Головина. Учпедгиз, 1932;

4) Экономическая география СССР, для 6 г. ФЗС и 2 г. ШКМ. Под редакцией И. М. Сетюкова. Учпедгиз, 1932.

Подробно эти учебники рассмотрены Баранским в его книге «Исторический обзор учебников географии (1876—1934)» (М., 1954), где они проанализированы с методологической и методической сторон. Один из названных учебников был раскритикован в газете «За коммунистическое просвещение» от 31.X.1931, в рецензии под уничтожающим заголовком: «Учебник, по которому нельзя учиться». Сам Баранский назвал эти учебники «стопроцентными левацкими, с присущим левакам географическим невежеством»¹.

Помимо фактических ошибок тексты учебников не содержали достаточной характеристики природных усло-

¹ Еще более злую, хлесткую критику подобных учебников поместили в «Правде» в виде фельетона известные советские сатирики И. Ильф и Е. Петров (вскоре после опубликования постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании географии в средней школе). В фельетоне в виде диалога «старорежимного» отца (учившегося по «старинке») с его «современным» сыном-подроском (учащимся по «новым» учебникам) приводится такой ядовитый вопрос отца сыну: «Что ты знаешь о Нью-Йорке?» И сын бойко отвечает: «Нью-Йорк есть узел современных империалистических противоречий!» А на уточняющий вопрос: «А где Нью-Йорк расположен?» — сын хмуро лепечет: «Мы этого в школе не прорабатывали!» — О.-Н.

вий как Советского Союза, так и капиталистических стран, были перенасыщены политической фразеологией, не увязаны с картами, имевшими случайное содержание. В методическом отношении учебники были крайне беспомощны, не учитывали возраст учащихся и не давали конкретных знаний. К сожалению, эти учебники отражали не только своеобразное понимание экономической географии как науки и школьного предмета, но и общее состояние географии в школе, а следовательно, и в стране.

Но «левацкие» учебники, как отмечал Баранский, имели то положительное значение, что обратили внимание Коммунистической партии и правительства СССР на неблагоприятное положение географии в стране¹. Объективности ради заметим, что критические статьи и устные высказывания ускорили освобождение многих физико- и экономико-географов, в том числе учителей географии, от упрощенного, немарксистского понимания роли природной среды в развитии общества, от формулировок вроде: «Природные условия (или наличие таких-то ископаемых) определили развитие хозяйства» (создание города, предприятия и т. д.). Однако ожесточенная критика проявлений вульгарного материализма в учебниках 20-х годов привела самих критиков к отрицанию географии, карт, к зачислению экономической географии в конкретную часть политической экономии («политэкономия in concreto», по утверждению «леваков»). В целом же «левацкое» направление было болезненно пережито научной, вузовской и школьной географией².

---

¹ См.: Баранский Н. Н. Исторический обзор учебников географии (1876—1934). М., 1954. С. 371.

² Существует мнение, что «леваков» в географии «придумал» Баранский. Но впервые на это явление в области экономической географии указал В. Ф. Васютин в сборнике «Экономическая география». М., 1934. С. 15. Еще раньше в сборнике «На методологическом фронте географии и экономической географии» (1932 г.) в упоминавшейся статье М. П. Богданчикова к левым загибам отнесены попытки «ликвидации экономической географии как самостоятельной научной дисциплины...»—с. 26 (значит, было и такое! — З. Ф.).

Сравнительно подробный обзор истории развития советской экономической географии, с достаточно объективной оценкой ее отраслево-статистического и районного направлений, минусов и плюсов в деятельности «леваков» (например, бывших аспирантов ЛГУ) дал в своей брошюре «Актуальные вопросы истории и современного развития экономико-географической науки в СССР» (1985 г.)

К позиции «у разбитого корыта» география пришла не сразу. После Великого Октября начались рост количества школ в стране и широкое вовлечение в них детей городов и сел. Советская власть решила не только сделать народ грамотным, но и покончить с уродливыми явлениями старой школы. Однако вместе с ликвидацией зубрежки, отметок, экзаменов, буквы «ять» началось увлечение новизной, всяким прожектерством. Отрицалась даже необходимость учителя, учебников, урочной системы, предметного обучения. Введены были научные комплексы, искусственно соединившие в один предмет начатки знаний истории, географии, естествознания, химии, физики.

Комплексные программы внесли сумятицу, снизили уровень знаний и качество преподавания. Понадобился ряд постановлений ЦК ВКП(б), восстановивших предметную и поурочную систему обучения, осудивших одновременно методическое прожектерство.

Возврат к предметному обучению позволил восстановить географию в школе, но она уже стала другой — «поверхностной наукой о земной поверхности» (как ее шутя характеризовали представители смежных наук), сближенной с обществоведением и отлученной от карты; география теряла свои позиции увлекательного предмета, удовлетворявшего запросы любознательного школьника. В географию пришли новые учителя от обществоведения, истории, естествознания, так как ее преподавать стало просто. Уроки состояли из сведений «по номенклатуре» (где что находится, протекает, залегает) и сведений, легко извлекаемых из газет. Учебники по географии издавались, но это были старые, слегка подновленные пособия, нередко далекие от марксистско-ленинского объединения природных и экономических явлений, конкретных условий жизни страны.

Программы по географии 1932 г. все еще отличались сильным креном в сторону политико-экономических зна-

---

О. А. Константинов. Он сам был свидетелем и активным участником большинства дискуссий 20—30-х годов в области методологии этой науки, не всегда соглашавшимся с оценками Баранского. Константинов познакомился с Баранским еще в 1929 г., а затем они и относительно близко сошлись на почве общих интересов в географии. Баранский был официальным оппонентом его докторской диссертации о городах США в 1942 г. и считал его одним из зачинателей географии городов, крупнейшим советским экономико-географом.— О. Н.

ний и игнорированием карты. Новые программы появились в 1933 г. В них физико-географический и экономико-географический материал распределялся по классам более равномерно и требовал знания карты, но подготовленные по этой программе учебники (в частности, учебник Баранского по географии СССР), хотя и делали в научном отношении шаг вперед, не были сбалансированы с отпущенными часами, особенно по физической географии.

Программу, изданную в 1933 г., составила бригада (так в то время было принято называть авторские коллективы) под руководством Н. Н. Баранского. Ее авторы: А. С. Барков, А. А. Некрасов, А. А. Половинкин, П. Г. Терехов (5-й класс), Н. Н. Баранский (6-й и 7-й классы), Б. М. Каминский (8-й класс). В составлении программ участвовали также учителя и методисты Москвы. Большой интерес в ней представляет «Объяснительная записка», написанная Баранским. Она замечательна методологическими и методическими положениями.

В «Объяснительной записке» отмечались такие недостатки ранее действовавшей программы, как отсутствие ориентировки на карту, преобладание общего землеведения над физической географией, а по курсу СССР и капиталистических стран — невнимание к природным условиям, которые изложены кратко или вовсе отсутствуют, нет перечня географической номенклатуры, нет указаний на влияние природных условий на экономику стран и районов; указывалось, что элементы экономики и политики преобладают над вопросами географии и к тому же «не привязаны» к определенной территории. «Все это в конечном счете приводило к тому, что география подменялась общим землеведением в области физической географии и экономической политикой и обществоведением в области экономической географии...». Таким образом, впервые были высказаны критические замечания о состоянии школьной географии, ее основных недостатках.

Большим преимуществом программы 1933 г. были стройность и конкретность каждой темы, причинное объяснение природных и экономических явлений, связи между ними, акцент на географической специфике территории. Материал о капиталистических странах и районах СССР излагался в территориальной последовательности, чего не было в программах и учебниках

1931—1932 гг. (в них капиталистические страны изучались в соответствии с их группировкой, принятой в материалах Коминтерна, т. е. по уровню развития капитализма, что преследовало совсем иные, не учебные цели).

В этой программе Баранский применил разработанную им схему страноведческой характеристики: общая характеристика, природные условия, историко-географический очерк, население, хозяйство и его внутренние различия, внутреннее и внешнее положение для капиталистических стран, а для районов СССР — перспективы развития. Сейчас эта схема широко известна и используется, и, возможно, даже забыто, кем и когда впервые она была предложена, а тогда это было своего рода «географическим открытием».

Программа 1933 г. просуществовала недолго. Положительные стороны этой программы были использованы при составлении стабильной программы, подготовленной также при участии Баранского (в качестве руководителя авторского коллектива и ответственного редактора) и изданной в 1935 г.

Исключительно большое значение в судьбе географии как науки и школьной дисциплины принадлежит постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР». Оно стало историческим потому, что определило задачи и сущность географии, ее структуру, комплексное содержание, объединяющее по сути дела несколько географических наук — в первую очередь физическую географию и экономическую географию, взаимосвязанные всей историей своего развития. Постановление определило место и содержание географии в школе, поставив ее в непривычно привилегированное положение (с 3-го по 9-й класс при 90 и более часов в каждом классе).

Примечательна критическая часть постановления. В ней была дана суровая оценка состояния школьной географии. Как крупнейшие недостатки отмечены «отвлеченность и сухость изложения, недостаточность физико-географического материала, слабая ориентировка по карте, перегрузка преподавания и учебников по географии статистико-экономическим материалом и общими схемами, вследствие чего учащиеся выходят из школы, не обладая зачастую элементарными географическими

познаниями». Здесь многое перекликается с предисловием программы 1933 г.

В позитивной части постановления предусматривалась подготовка стабильных программ и учебников, поручаемая определенным авторам из числа, главным образом, профессоров 1-го МГУ во главе с Баранским. В помощь учителю постановление предусматривало подготовку хрестоматий по географии, методических пособий, библиографического указателя книг, географического журнала, книг для учащихся о путешественниках и путешествиях, а также карт, таблиц и других учебных пособий по географии.

Комментируя текст постановления о преподавании экономической географии, Баранский писал: «Что касается спорного в те времена вопроса, связанного с борьбой отраслево-статистического и районного направлений в экономической географии, то в этом отношении в постановлении 1934 г. представляют интерес три момента:

1) указанная в числе недостатков «перегрузка преподавания и учебников по географии статистико-экономическим материалом»;

2) формулировка пункта, в котором сказано: «По программе 8-го класса экономическую географию СССР преподавать таким образом, чтобы, предпослав вначале обзор размещения производительных сил СССР и состояние народного хозяйства, дать затем подробную экономико-географическую характеристику каждого района»;

3) отсутствие в поручениях на составление стабильных учебников кого-либо из авторов отраслево-статистического и, в частности, «левацкого» направления»¹.

Постановление от 16 мая 1934 г. положило конец хаотическому состоянию географии, создало предпосылки для превращения ее в науку и школьную дисциплину, устранив опасность исчезновения географии, растворения ее в обществоведении.

Трудно теперь определить, участвовал ли Баранский каким-либо образом в подготовке исторического постановления, но тот факт, что оно учитывало здоровые научные идеи Баранского, брало их в качестве отправ-

---

¹ Баранский Н. Н. Исторический обзор учебников географии (1876—1934). С. 365.

ного направления в реформе школьной географии, не вызывает сомнения. С большим основанием можно говорить о причастности его к передовой статье «Правды» от 10 сентября 1937 г. «Отлично знать географию». В ней напоминает о необходимости покончить с недостатками в преподавании географии, в частности не подменять физическую географию с ее спецификой заучиванием схем и социологических обобщений. Особый упор делается на карту, подчеркивается роль географии в воспитании у юношества подлинно материалистического мировоззрения, гражданских чувств, в понимании своих обязанностей перед Родиной, определяются задачи географической науки. Эта передовая «Правды» не только служит вехой в истории становления школьной географии, но и важна для понимания того, как входили в жизнь и укоренялись идеи Баранского, как их учебное значение превращалось в общественное явление. Что касается авторства передовицы, то Баранский не отрицал его, но по газетным традициям передовые статьи считались выражением мнения редакции и потому печатались и печатаются без фамилии автора. Статья «Отлично знать географию» напечатана в книге Баранского «Экономическая география в средней школе. Экономическая география в высшей школе» (М., 1957) в разделе «Приложение. Список трудов Н. Н. Баранского»¹.

Обычно наука ведет за собой школьную дисциплину, питает ее конкретным материалом, дает теоретическое направление изучаемым вопросам. В данном (пожалуй, единственном) случае школьная география повела за собой экономическую географию как науку и методику, указала пути дальнейшего развития научной теории и преломления ее в школьной практике. Постановление ясно и определенно указало на важное место географии среди школьных дисциплин, подняло авторитет географии как науки. Полное признание получило районное направление в экономической географии, необходимость порайонного изучения физической географии, хорошего знания основ физической географии и карты.

---

¹ В начале 50-х годов в беседе со мной (как с составителем этой первой полной библиографии трудов Баранского) он вполне определенно подтвердил, что по поручению ЦК ВКП(б) участвовал в разработке текста этого постановления, а впоследствии писал и первоначальный текст передовицы.— О. Н.

Постановление осудило излишнюю социологизацию и политизацию в ущерб географическим знаниям, призывало к пониманию географической специфики, привлекало внимание к страноведению, через которое расширяется и углубляется образовательное и воспитательное значение географии.

14 июля 1934 г. в «Правде» было опубликовано постановление президиума Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР «О преподавании экономгеографии в вузах и втузах». В нем было сказано: «Специфика экономгеографии, размещение производительных сил, экономическое районирование должны быть в центре внимания профессорско-преподавательского состава». И дальше: «Основное содержание экономгеографии должно даваться в районном изложении. В частности, в курсе экономгеографии СССР не менее 70 процентов времени должно быть уделено его экономическим районам». Таким образом, районное направление в преподавании экономической географии в высшей школе было признано единственно правильным.

Правительственные постановления о месте и роли географии в народном образовании совершили крутой поворот и в судьбе Баранского. Они свидетельствовали о признании на самом высоком уровне его научных позиций, о доверии возложить географическое образование в стране, составить стабильную программу и стабильные учебники по географии. На время прекратились нападки и заушательская «критика», Баранский мог полностью сосредоточиться на творческой работе в спокойной обстановке, не отвлекаясь на «отругивание». Проработка Баранского с использованием старых аргументов, подновленных новой фразеологией, вновь вспыхнула в 1949—1950 годы, после дискуссии по биологии (1948 г.), когда борьба с мальтузианством, морганизмом, вейсманизмом и т. д. перекинулась на другие науки, в том числе и на географию. Тогда нападкам подверглись Берг, Баранский, их ученики и единомышленники.

Большое значение для Баранского имело утверждение его в 1935 г. редактором нового журнала — «География в школе». Баранский получил возможность выступать с научными и научно-методическими статьями. Журнал еще больше сблизил его с учителями географии, с их нуждами. Его переход к интересам средней

школы, для которой он составил (вместе с профессорами-методистами) программу 1933/34 учебного года, написал учебник по экономической географии СССР (опубликован в 1935 г.), не был случайным. Это было обращение к широкой и благодарной аудитории.

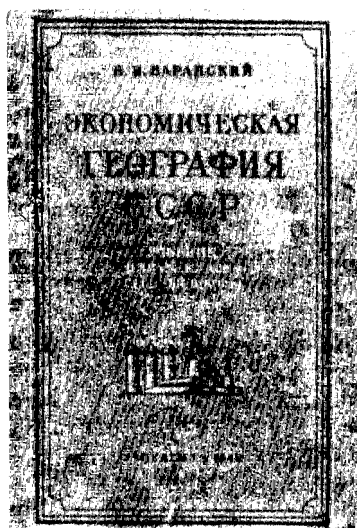
Придя к учителю, Баранский не опустился на ступеньку ниже, а, наоборот, поднялся. Теперь он мог высказываться не только перед учителями и методистами, но и перед всем новым поколением учащихся.

Журнал способствовал консолидации научных работников, методистов, учителей — широкого круга единомышленников, воспринимавших и развивавших идеи Баранского. И сам он, по его признанию, во многом утвердился, до многого дошел благодаря читателям и корреспондентам журнала (включая и тех, чье мнение он раньше не разделял).

Журнал стал выразителем его научной и методической позиций. В нем он опубликовал и ряд основополагающих своих статей. Да и другие статьи (не исключая многочисленных рецензий), пройдя через его редакторские руки, обретали иное звучание. Они получали большую точность, лаконичность и заостренность мысли. Баранский нередко щедро вносил в чужие работы недостающие абзацы, убирал вялые, обтекаемые выражения, заменяя их более энергичными, аргументированными. Не было случая, чтобы авторы возражали против сделанных исправлений; наоборот, после редакторской правки они понимали, чего не хватало статье. Особенно бережно относился Баранский к материалам учителей. Он понимал, что статья в журнале поднимает авторитет учителя в среде, где он работает, и обращает его на путь творческого отношения к своему труду, а сам журнал помогает ему в нелегком деле овладения теорией географии и методикой обучения без отрыва от работы.

Баранский считал себя профессиональным пропагандистом, «старым эрканстом». Как пропагандист, он понимал, что любое постановление только тогда достигнет цели, когда станет достоянием масс не столько своими формулировками, сколько конкретным содержанием. Значит, надо пропагандировать их в учительской массе, среди учителей-практиков (студенты плановых или экономических вузов редко становились учителями, да и подчас находились под влиянием профессоров, полностью еще не перестроившихся, воспринявших суть по-

Одно из изданий учебника
Н. Н. Баранского для средней
школы

становления о преподавании истории и географии формально).

Как «старый эркаист», Баранский понимал, что надо начинать с обследования истинного положения дела, доверяться не столько личным впечатлениям, сколько объективным данным. И он возглавил выборочное обследование школ Москвы и области. Обследователь должен был и записать сведения об учителе географии (образование, стаж работы и т. д.), и составить протокол обучения 1—2 уроков. Обследователями были аспиранты Баранского и методисты Москвы; полученные ими материалы после обработки представлялись на утверждение в Наркомпрос РСФСР и затем публиковались в журнале «География в школе» и в специальном сборнике, отразившем впечатления обследователей.

Картина обследования получилась совсем не радужная. Многие ученики не владели навыками работы с контурными картами, с ошибками именовали широкоупотребительные географические термины и названия (запад, Атлантический и др.), путались в объяснении причин явлений, на уроках обычно висела лишь одна карта. Классная доска использовалась только для записи заданий на дом. Подтвердилось старое правило: у знающего учителя знают и учащиеся. В результате этих

обследований была разработана программа, вопросы для письменных ответов учащихся, задания по контурной карте.

Авторитет Баранского (особенно среди учителей) стал непререкаем. Это способствовало консолидации научных сил, особенно в университетских городах. Распространению научных идей Баранского, его единомышленников и учеников способствовали не только географические журналы, в которых они печатали свои статьи, но и книги. Например, «Экономическая география СССР. Учебник для 8-го класса средней школы» (М.: Учпедгиз, 1935). Особенно это относится к первому его изданию, где методологические идеи Баранского были выражены полнее (в последующих 15 изданиях пришлось многое сократить и упростить). По этому учебнику (как и по учебнику И. А. Витвера «Экономическая география зарубежных стран» для 9-го класса) учились не только ученики, но и учителя; по ним готовились к экзаменам студенты геофаков университетов и педвузов. С этими учебниками приходилось считаться и вузовским преподавателям.

Научные основы учения Н.Н. Баранского

Годы после исторического постановления «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» стали для Баранского периодом плодотворной работы по методологии экономической географии, по превращению ее из общеобразовательного предмета, изучаемого в школах и экономических вузах, в научную дисциплину, составляющую одну из ветвей комплексной науки географии.

Его деятельность шла одновременно в нескольких направлениях: разработка методологических основ экономической географии и экономической картографии, научно-методическая работа (публикации в журнале «География в школе», лекции для учителей), преподавание в Московском университете, Пединституте им. В. И. Ленина, лекции для партийно-хозяйственного актива, подготовка учебников, учебных пособий, карт, атласов (преимущественно для средней школы). Все это составило огромный вклад в советскую экономическую географию, по праву получив название научной школы Баранского. Экономическая география в СССР в короткий срок поднялась на уровень мировой науки, а в ряде отношений и превзошла ее.

В чем состоит научное наследие Баранского?

География — одна из фундаментальных наук. До Баранского эта роль принадлежала физической географии, которую успешно развивали русские ученые — от М. В. Ломоносова до П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. И. Воейкова, В. А. Обручева, Д. Н. Анучина и др. Баранский возвел в ранг фундаментальных наук и экономическую географию. Им разработан ряд теоретических проблем, составляющих научные основы экономической географии. Это:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КАРТОГРАФИЯ

Государственное издательство
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

1) определение предмета и задач экономической географии;

2) концепция районного направления экономической географии на базе госплановского экономического районирования;

3) утверждение на марксистско-ленинских основах теории и практики взаимодействия природы и общества;

4) открытие на базе учения К. Маркса об общественном разделении труда его пространственной формы, т. е. географического, или территориального, разделения труда;

5) теория экономико-географического положения;

6) разработка теоретических положений по географии населения и географии городов;

7) разработка основ советского страноведения;

8) создание основ экономической картографии;

9) создание системы методологии и методики обучения экономической географии.

Рассмотрим кратко содержание каждого положения.

1) Для утверждения экономической географии в качестве фундаментальной науки и разработки теоретических проблем и оригинальных концепций Баранский прежде всего дал определение предмета науки.

«Предметом экономической географии является изу-

чение хозяйственного своеобразия стран и районов, изучение пространственных различий в хозяйстве на земном шаре, т. е. различий от места к месту, а также пространственных сочетаний в хозяйстве. Если бы этих различий не было, то не было бы и экономической географии». И далее: «...исследовав же эти причины (территориальных различий.—З. Ф.), следует вывести закономерности этих изменений в хозяйстве от места к месту»¹.

Оппоненты Баранского трактовали экономическую географию как науку о размещении хозяйства, не принимая в расчет ни природные, ни исторические условия. Это исходило из их отнесения экономической географии к экономическим, а не к географическим наукам.

Утверждая экономическую географию как самостоятельную науку, в равной степени экономическую и географическую, Баранский потому и не разрывал ее связей с физической географией.

2) В области методологии экономической географии ему принадлежит творческая разработка теоретических основ советского экономического районирования.

На опыте первых лет своего преподавания в «Свердловке» и в совпартшколах он пришел к мысли, что основой курса экономической географии СССР должны быть не отрасли народного хозяйства, как это было прежде, а экономические районы.

Суть дела не в том, утверждал Баранский, как группировать учебный материал. «Раньше оно (т. е. экономическое районирование.—З. Ф.) было основным методом географического комплексного познания территории, в советских же условиях оно стало необходимой предпосылкой планового строительства и всего хозяйственного планирования»². В соответствии с планом ГОЭЛРО Госплан в 1921 г. подготовил проект деления страны на 21 экономический район. При этом экономический район понимался как «своеобразная, по возможности законченная территория страны, которая благодаря комбинации природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности представляла бы одно из

---

¹ Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956. С. 7.

² Там же. С. 30.

звеньев общей цепи народного хозяйства»¹. При таком подходе район в первую очередь выделяется не для познания, а для преобразования территории, не как хозяйственно однородная единица, а как территориально-производственный комплекс с производственными связями внутри его, со специализацией в общесоюзном масштабе. «Госплановское определение района содержит не только закон его развития, но и методологическое указание насчет того, как этот район надо изучать и как надо составлять и излагать его характеристику»².

Взяв за основу изучения территории страны госплановские районы, разнородные внутри себя, с «комбинацией природных особенностей, культурных (и производственных.— З. Ф.) накоплений... и населения» с его хозяйственными навыками, Баранский нашел ключ к пониманию задач и сущности экономической географии. Он понял огромное значение внутренних различий — природных и хозяйственных, роль пространственных сочетаний, взаимосвязей, взаимовлияния, место физической географии в экономико-географической характеристике страны и ее частей.

От госплановских районов Баранский пришел к районному направлению в экономической географии. Он показал принципиальное отличие экономической географии от политической экономии, экономической политики, хозяйственной статистики. Проникшись методологией советского экономического районирования, Баранский обогатил эту экономическую географию, возведя ее в ранг самостоятельной науки. Историческое постановление от 16 мая 1934 г. утвердило разработанное Баранским применительно к научным и учебным целям районное направление, подняв его значение до уровня государственной задачи.

Будучи сторонником районного направления в изучении экономической географии, Баранский не был противником поотраслевого изучения хозяйства страны, района. Но он считал, что на порайонное рассмотрение нужно отводить больше места в научных трудах и больше времени, что отрасли должны быть связаны между собой и той природной базой, на которой они возникли, что поотраслевой обзор хозяйства должен предшествовать

---

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 32.

порайонному изучению (необходимо идти от общего к частному, а не наоборот).

3) Много внимания уделил Баранский методологическим исследованиям проблемы взаимоотношения общества и природы. Он углубил философское содержание работ основоположников марксизма-ленинизма по этой проблеме, рассмотрел ее с точки зрения экономической географии.

Больше всего Баранского интересовали вопросы природных различий, поскольку именно они вызывают необходимость в географии (в целом как науки) и в экономической географии (как ее подразделения), связанной с общественным производством. Если представить себе, что нет различий в природе, то нет необходимости и в ее повсеместном изучении, т. е. в физической географии; но нет тогда необходимости и в понимании различий в общественном производстве, т. е. в экономической географии, утверждал Баранский. Без природных различий производственные различия (хозяйственные, трудовые) будут зависеть только от технического развития. Разницы же в специализации не могло бы возникнуть. Без природных различий не будет ни развития потребности, ни обмена, ни естественной основы общественного разделения труда и всего, что с ними связано. Уместно в связи с этим привести слова К. Маркса: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда»¹. Выявлению природных условий, установлению их значения в хозяйственной жизни общества Баранский придавал исключительно большое значение. Влияние природной среды на развитие общества должны, по его мнению, изучать философия и история, тогда как «исследования влияния пространственных различий в природной среде на пространственные различия в производственном направлении хозяйства — наоборот, являются коренной задачей экономической географии»².

Баранский резко восстает как против «географическо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. Т. 23. С. 522.

² Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. С. 37.

го фатализма», так и против «географического нигилизма», утверждая, что между ними больше сходства, чем различий, считая, что они теоретически ошибочны и практически вредны.

При выявлении роли природных условий во влиянии на производственное направление хозяйства, его специализацию недостаточно, поясняет Баранский, учитывать одно только сочетание природных условий. Определение комплекса производств, специализации нередко находится в прямой зависимости от общегосударственных интересов. Известную поправку в этот процесс могут внести учет экономико-географического положения района, города и даже самих природных ресурсов, транспортные условия, наличие рабочей силы, технический уровень, рентабельность, ряд других условий, принимаемых в расчет при выборе отраслей производства и конкретных видов производимых продуктов и товаров, специализации, направления хозяйства, главной сельскохозяйственной культуры. При этом далеко не последнее место принадлежит историческому аспекту социально-экономического развития различных территориальных образований.

Научное исследование взаимозависимости общества и природы не может пройти мимо «калькуляции себестоимости продукта». Положение о выгодности или невыгодности природных условий в общественном производстве «остается общей фразой до тех пор, пока оно не положено на точный язык рубля»¹.

Исследование о взаимодействии человеческого общества и природы Баранский заканчивает тремя положениями: воздействие людей на природу неограничено; с развитием общества увеличиваются его мощь и потребности; с развитием и совершенствованием техники взаимосвязь общества и природы не только сохраняется, но и усиливается, усложняется.

4) Баранский разработал проблему географического разделения труда. Ее он считал центральной в экономической географии и писал о ней еще в 1929 г. в «Экономико-географическом сборнике». Позже он не раз возвращался к этой теме. Под географическим разделением труда он понимал «пространственную форму общественного разделения труда»², которая возни-

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 55.

кает тогда, когда результаты труда перевозят из одного места в другое и когда есть территориальный разрыв между местом производства и местом потребления. Географическое разделение труда— явление не только международное. Оно возникает и в пределах одной страны, одного района и проявляет себя через обмен, торговлю.

Разнообразие производства продукции не является единственным условием географического разделения труда. Необходимо еще перемещение товарной продукции из одной страны (района) в другую страну (район). Перемещение товаров происходит тогда, когда другая страна (район) не может производить их у себя или когда привозить выгоднее, чем производить товар у себя.

Баранский особо выделяет географическое разделение труда, т. е. пространственную форму общественного разделения труда. Хотя понятие «общественное разделение труда» включает и существование его пространственной формы, но «вышелушивание» рационального (географического) зерна — заслуга Баранского. Он пишет: «С усложнением общественной жизни... множатся и общественные причины к развитию географического разделения труда, которые перекрывают и заслоняют причины, лежащие в природных различиях, но, однако, их не ликвидируют». А развитие транспорта, включая его удешевление и способность перевозить все более громоздкие товары, доставляемые при этом выгоды увеличивают географическое разделение труда «вширь и вглубь»¹.

Таким образом. Марксово понимание сути общественного разделения труда помогло Баранскому выявить его пространственную форму — географическое разделение.

Не игнорируя природный фактор, Баранский призывает обратить особое внимание при экономико-географическом изучении географического разделения труда на вопросы себестоимости, на учет материальных и трудовых затрат. При этом в условиях социалистического производства он предлагает исходить из интересов не одного производства, а всего народного хозяйства, и на значительную перспективу.

Баранский глубоко понимает сущность и рост географического разделения труда в социальном и экономическом развитии стран и районов. Он обращает внимание на необходимость исторического подхода к исследуемой

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 58.

проблеме, на влияние географического разделения труда на повышение производительности труда, на формирование и специализацию хозяйственных районов. Он выявляет коренные различия в географическом разделении труда в условиях империализма и социализма.

Географическое разделение труда, по убеждению Баранского, способствует выделению из производственной деятельности сельского хозяйства и промышленности, территориальному обособлению и увязыванию их в единую хозяйственную систему. Транспорт и торговля тоже порождаются географическим разделением труда и развиваются вместе с ним. Экономические районы формируются, дифференцируются и взаимодействуют опять-таки благодаря географическому разделению труда. Такие понятия экономической географии, как «народное хозяйство», «экономико-географическое положение», также тесно связаны с географическим разделением труда.

«Из сказанного видно,— пишет он,— что географическое разделение труда является весьма важным понятием, точнее говоря; целой системой понятий, связывающей и отрасли, и экономические районы... Экономическая география мирового хозяйства в значительной мере сводится к изучению конкретной картины географического разделения труда в мировом масштабе, экономическая география народного хозяйства — к изучению конкретной картины географического разделения труда на территории отдельного государства и, наконец, экономическая география районов — к изучению конкретной картины географического разделения труда в районном масштабе.

<...>

Таким образом, географическое разделение труда есть основное понятие экономической географии (выделено нами.— **З. Ф.**), теснее всего соединяющее ее с политической экономией; понятие, от которого экономико-географ не может отрываться ни в какой теме, им изучаемой, будь она «отраслевой» или «районной»; историко-географическое изучение хозяйства тоже не может обойтись без него, так как хозяйственное развитие любой территории — в рамках ли всего мира, целой страны, района или отдельного города — сводится в конце концов к истории развития географического разделения труда»¹.

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 79—80.

Выделение из учения Маркса об общественном разделении труда его территориальной формы — географического разделения труда, разъяснение его роли в общественном производстве и места в экономической географии, несомненно, составляют научное открытие, сделанное Баранским.

5) Баранскому принадлежит также научное исследование понятия экономико-географическое положение (страны, района, города, вообще исследуемого ареала), хотя это понятие не игнорировалось в учебниках и научных статьях до него. Но до Баранского положение того или иного географического объекта в мировом пространстве отмечалось лишь в градусах долготы и широты либо по отношению к рекам, горам, морям и т. д. Из этого делались некоторые выводы экономического характера, хотя далеко не всегда. Этим понятием чаще пользовались для удобства ориентации по карте, для запоминания местонахождения объекта, что вполне отвечало укоренившейся в учебной географии конечной цели обучения — знать что и где находится.

Баранский, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, при анализе всякого экономико-географического явления стремился выяснить не только «что и где», но и «почему». «Причинное» объяснение, как он любил говорить, постоянно присутствовало в его аргументации. При этом Баранский раскрывал явление в развитии, во взаимодействии с сопричастными обстоятельствами, с историческими корнями.

Понятие «экономико-географическое положение» Баранский не смешивал с понятием «природные условия». Он придавал первому самостоятельное значение, учитывал его изменчивость во времени и связь с другими социально-экономическими явлениями.

Баранский прежде всего дает «общее определение положения: положение это есть отношение данного пункта или ареала к каким-либо данностям, взятым вне этого пункта или ареала»¹: Эти «данности» могут быть в смысле математической, физической и экономической географии. Последняя «понимает под положением отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение,— все равно, будут ли эти данности природного

---

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 109.

порядка или созданные в процессе истории»¹. Хотя само определение о территориальном положении географического объекта относится ко всему вне его находящемуся, но имеющему экономическое значение, Баранский отмечает, что эти «данности» могут быть и природного порядка. В этом главная особенность его взгляда на сущность географического (территориального) положения от других определений и трактовок этого понятия.

Для оценки экономико-географического положения, по Баранскому, наряду с природными условиями перво-степенное значение имеет отношение к мировым путям, крупнейшим рынкам, промышленным центрам, что не раз влияло на судьбы европейских и азиатских государств. На ряде примеров Баранский показывает значение так называемого соседского положения (иначе говоря — характера ближайшего окружения). Далее он рассматривает положение по отношению к очагам культуры и ходу общественно-политического развития, положение городов, микро- и макроположение, выгоды центрального положения, значение положения месторождений полезных ископаемых. Любая из этих позиций может способствовать ускорению или замедлению социально-экономического развития страны, района.

Экономико-географическое положение в отличие от математического и физико-географического положений — понятие историческое. Оно изменяется вместе с хозяйственными, особенно транспортными, изменениями. На примере освоения Северного морского пути видно, как улучшалось экономико-географическое положение Сибири, особенно ее самых северных частей².

Экономико-географическое положение, по Баранскому, индивидуализирует объект, выявляет его специфику. Это очень важная мысль. Она позволяет понять, чем привлекательна география (помимо всего прочего), что отделяет ее от смежных с нею наук, обособляет ее, делает незаменимой. Эта особенность заключается в выявлении географической специфики, которая индивидуализирует край, местность, населенный пункт, показыва-

---

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 110.

² Можно было бы привести ряд новых примеров изменения положения республик и районов СССР, и особенно городов, в связи со строительством новых дорог, каналов, оросительных систем, но мы, излагая теоретические исследования Баранского, придерживаемся его контекста.

ет их неповторимость. «Экономико-географическое положение,— включает исследование этой темы Баранский,— имеет крупнейшее методологическое значение». От него зависит место, занимаемое страной, районом, городом в системе географического разделения труда, оно влияет на экономическое районирование территории, способствует укреплению внутренних и внешних производственных связей.

Особо исследует Баранский вопрос о положении городов. На примерах Ленинграда, Сталинграда (Волгограда), Иркутска, Константинополя, Нью-Йорка, Лондона он показывает, как и почему при одном и том же природном положении города его экономическое значение резко изменяется при изменении его положения по отношению к мировым путям торговли, к транспортным коммуникациям внутри страны, к новым очагам индустрии и т. д. При этом особо подчеркивает, как сказались на судьбах города, на его экономическом рождении или возрождении благоприятное положение города, содействующее этому развитию (для Волгограда — положение в излучине Волги, приближающей его к Дону и Донбассу, для Ленинграда — положение у выхода в Балтийское море и Атлантику, на водных путях, ведущих к бассейну Волги, для Нью-Йорка — положение у Атлантического океана и Великих озер, соединяющих его с внутренними районами США, и т. д.). Чтобы положение города, страны «заиграло» в полную силу и способствовало его экономическому развитию, нужны прежде всего определенные социально-экономические условия (с возвышением Англии возвысилось и экономическое значение Лондона; упадок страны, наметившийся после первой мировой войны и окончательно определившийся после второй мировой войны, привел к снижению значения Лондона).

В этой связи он предлагает изучать микро-, мезо- и макрорасположение города. После образования города главное значение имеет его микроположение, т. е. местоположение по отношению к ближайшим водным и другим транспортным путям, к формам и элементам рельефа. В дальнейшем возрастает значение мезоположения — расположение относительно более крупных водных бассейнов, городов, путей сообщения. Наконец, макрорасположение рассматривается в отношении города ко всей стране или к материку.

Баранский отмечает важное значение центрального положения городов, особенно столичных, по отношению к остальной территории страны. «Центр здесь, конечно, надо понимать не в строго, математическом, геометрическом смысле этого слова. Центральное положение удобно сравнительной близостью от разных частей государственной территории, в центре неизбежно перекрещиваются дороги, соединяющие между собой периферийные точки территории. При этом, поскольку дело касается столиц, следует при анализе процесса их возвышения различать два основных периода — до того, как данный город стал столицей, и после того, как он стал столицей. В первом периоде главное значение имеет микроположение, во втором — макроположение»¹.

Для городов-столиц Баранский предлагает прежде всего учитывать особый фактор ранга, т. е. столичное положение. Оно способствует росту административно-управленческих функций, преобладанию «столичных» отраслей промышленности (со сложной техникой, требующей высококвалифицированных работников), появлению научно-исследовательских и высших учебных заведений, очагов культуры, разветвленной сети сферы обслуживания.

Обязанный своему возвышению первоначально природным и экономическим условиям и не в последнюю очередь географическому положению, город, став столичным, в дальнейшем сам влияет на экономическую, профессиональную структуру и инфраструктуру производства, становится центром культуры и управления страны, главным носителем положительных и отрицательных сторон урбанизации. Столица, как и главный промышленный город, сосредоточивает основные внутрирайонные производственные связи.

Исключением является, в частности, положение столицы не в центре страны. Это бывает в тех случаях, когда город создан специально как административный центр (например, Вашингтон, Канберра), а не в силу исторически возникших условий. К исключению относятся многие столицы Южной Америки, возникшие не в центральных районах стран, а на месте портовых городов или вблизи них. Причина в том, объясняет Баранский, что

---

¹ Баранский Н. И. Экономическая география. Экономическая картография. С. 125.

через эти порты шло завоевание Южной Америки, превращение ее в ряд колоний; города, ставшие столицами, росли благодаря внешней торговле.

б) Баранскому принадлежит также разработка учения о географии населения и географии городов.

На рубеже XIX и XX вв. среди экономико-географов России, исследовавших вопросы взаимодействия человека и природы, были распространены взгляды о прямом влиянии природной среды на образ жизни народов. Эти ученые толковали понятие «территория» как пространство, заполненное населением, и из свойств этого пространства выводили особенности политической географии и национальной психологии народов. С этой антропогеографической позиции были написаны научные работы, учебники по географии и в первые годы Советской власти. Вскоре антропогеография подверглась резкой критике и была признана антимарксистской. Критика была столь острой, что человек, население почти нацело выпали из школьной и вузовской географии; остались лишь элементарные сведения о численности, средней плотности, национальном составе населения стран.

Заслуга Баранского в разработке теоретических основ географии населения состоит в том, что он в эту казавшуюся многим старым авторам учебников и методистам опасной тему вдохнул новую жизнь, наполнил ее географическим материалом. Вопросы взаимоотношений общества и географической среды, особенности и причины расселения людей в конкретных условиях были рассмотрены Баранским с позиций марксистско-ленинской методологии¹.

В теории географии городов, по мнению Ю. Г. Сауш-

---

¹ Справедливо отмечая огромный изначальный вклад Баранского в разработку теории и методологии советской географии населения, автор не указывает на работу Р. М. Кабо «Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии», опубликованную в журнале «География в школе» (1941. № 3), — первую советскую работу по географии населения (не антропогеографии!). С. А. Ковалев справедливо пишет (в сборнике «Экономическая и социальная география в СССР». 2 изд. М., 1987. С. 414), что с именем Р. М. Кабо «в первую очередь связано становление советской географии населения». Да и сам Баранский никогда не отрицал этого и весьма высоко ценил Р. М. Кабо как «первопроходца» советской географии населения. — О. Н.

кина, Баранский сформулировал свои положения независимо от немецкого географа В. Кристаллера и приблизительно одновременно с ним¹, а главное, более широко увязал их с народнохозяйственными комплексами страны и районов.

Методологические и методические принципы изучения проблемы городов Баранский вначале излагал на лекциях и в научных статьях. Впервые он опубликовал свои взгляды в конце 1941 г. в одной из глав книги «Очерки по методологии и методике экономической географии». В 1946 г. в сборнике «Вопросы географии», № 2, была опубликована его статья «Об экономико-географическом изучении городов». В наиболее полном виде такая статья издана в книге «Избранные труды. Становление советской экономической географии» (М., 1980).

В этой статье автор к одному из основных вопросов относит определение понятия «город». Одни исследователи дают определение по демографическим признакам, другие — по юридическим, третьи — по функциональным, четвертые — по сочетанию признаков. Н. Н. Баранский не дает свой вариант определения, но отмечает ряд характерных черт, по которым можно отличить город от других населенных пунктов. «Города являются центрами сосредоточения населения, не связанного непосредственно с сельским хозяйством. Города росли за счет выделявшихся из деревенской массы несельскохозяйственных отраслей — промышленности, торговли, транспорта; но они росли также и за счет функций нехозяйственных — административных, военных, культурных (в самом широком значении этих понятий).

Во многих случаях, особенно в пограничных полосах, города возникли первоначально в качестве укрепленных мест, крепостей»².

В истории возникновения городов их бурный рост непосредственно связан с развитием капитализма. Чем больше город, тем быстрее он растет (закон Левассера). «В результате создается особый тип сверхбольших городов, тип «городов-миллионеров», являющихся, в виде

---

¹ См.: Вступительная статья Ю. Г. Саушкина к книге «Николай Николаевич Баранский». М., 1971. С. 29.

² Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М., 1980. С. 204.

общего правила, одновременно и крупнейшими транспортными и торгово-промышленными узлами и потребительскими пунктами, а часто также административными и культурными центрами»¹.

В экономико-географическом аспекте важно то, что города являются центрами притяжения прилегающих к ним районов, на которые они оказывают свое влияние. Поэтому транспортные связи приобретают жизненно важное значение: они удлиняют радиус действия городов. И Н. Н. Баранский добавляет:

«В пределах каждой страны и даже крупного экономического района города определенным образом соподчинены, координированы, каждый имеет свои определенные функции и свой... круг действия, свой радиус влияния и притяжения»².

Города могут быть предметом изучения многих специальностей, в том числе и географии. Если в работах специалистов «упор делается на выявление и объяснение пространственных различий (в размещении городов, их характера и т. д.), а также пространственных сочетаний и соотношений с учетом географической специфики, тогда это будут работы географические»³.

К другому важному вопросу Баранский относит типологию городов. Наиболее часто встречающаяся классификация городов — это классификация по преимущественным функциям, выполняемым каждым городом. Ею пользуются экономисты и статистики. Баранский рекомендует экономико-географическую классификацию по следующим признакам: время возникновения города; особенности экономико-географического положения; выполняемая городом функция (или, чаще, их сочетание); размеры города (и по населению, и по занимаемой им площади), а также и размеры территории, на которую город распространяет свое влияние. Характеризуя город по этим признакам, принимаются во внимание связи и взаимоотношения между ними (особенно влияние экономико-географического положения на функции и рост города).

«Наметить деление городов на типы по каждому из этих пяти оснований отдельно — дело не особо хит-

---

¹ Баранский Н. Н. Избранные труды... С. 205.

² Там же. С. 207.

³ Там же. С. 210.

рое... — пишет Баранский, — такие деления весьма условны и произвольны и, кроме того, едва ли могут претендовать на универсальную применимость ко всем эпохам и странам.

Несравненно более интересна, но в то же время и трудна комбинированная классификация с учетом всех этих признаков, вместе взятых.

Ведь в комбинации этих важнейших признаков, в их взаимодействии и взаимосвязанности логической и генетической как раз и заключается вся суть, вся «соль» характеристики¹. По мнению Баранского, наибольшее значение имела бы классификация по генетическому принципу.

Баранский разработал оригинальную схему развернутой характеристики города. Она включает семь пунктов: 1) введение; 2) положение и природные условия города и его ближайшего окружения; 3) историко-географический очерк города; 4) современная характеристика города в целом; 5) микрогеография города; 6) ближайшие окрестности города; 7) заключение (взгляд в будущее).

Баранский подробно комментирует каждый пункт и в заключении подчеркивает, что в характеристике «необходимо в первую очередь отмечать то, что характерно для данного типа городов, и особенно для данного города персонально, то, что выделяет его из числа других городов и связано с особенностями его положения, его природных условий, его исторических судеб, т. е. то, что подчеркивает географическую специфику этого города»².

7) Баранский разработал научные основы комплексного страноведения, обосновал необходимость его существования в качестве третьего направления географии наряду с физической и экономической географией.

С развитием науки, особенно усилившимся в XX в., резко обособились физическая и экономическая география, причем внутри каждой из них выделились узкие географические дисциплины. Это отразилось и на вузовских программах — по ним начали готовить узких специалистов, но с хорошей общегеографической подготовкой. Одновременно существует необходимость в подго-

---

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 217.

² Там же. С. 250—251.

товке географов-страноведов, которые обладали бы методикой синтеза знаний физической и экономической географии при описании территорий (стран, районов). Но таких специалистов в нашей стране в 20—30-е годы не готовили.

В то время в науке шла борьба с антропогеографией, и под флагом этой борьбы из страноведческих работ стали изгонять характеристику населения. Человек, хозяйственная и социальная жизнь которого, в известной мере обусловленная природными условиями, весьма различна «от места к месту», перестал изучаться¹.

Одновременно из экономико-географических работ стали изгонять физико-географическую характеристику. Началось, по выражению Баранского, «природоборчество» и распространение «неестественной географии». Эти антинаучные явления коснулись и школьной и вузовской географии. Только после постановлений «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» (16 мая 1934 г.) и «О преподавании экономгеографии в вузах и втузах» (14 июля 1934 г.) положение изменилось. В программах и учебниках сведения о природе и населении начали появляться в необходимом объеме. Стала появляться страноведческая литература. Но обособление физической и экономической географии привело к тому, что в этой литературе отчетливо сформировались два направления: физико-географическое и экономико-географическое.

Развитие отраслевых географических дисциплин послужило стимулом к появлению страноведческих работ более высокого качества; оно создало основу для более строгого отбора из множества фактов наиболее существенных для их оценки, установления взаимных связей между ними. Нужны были специалисты, владеющие методикой комплексной характеристики территории (страны, района).

Баранский взялся за разработку методологических основ комплексного страноведения, сформулировал его задачи и дал примерную структуру страноведческих описаний. Научные основы страноведения были опубликованы Баранским сначала в статье «Страноведение и

---

¹ «Человека забыли!!!» — горестно восклицал Николай Николаевич. И ехидно добавлял: «Начинается не только неестественная, но и бесчеловечная география». — О. Н.

география физическая и экономическая» (Известия ВГО. 1946. Т. 78. № 1), а затем с дополнениями в двухтомнике избранных работ (1956 г.), переизданных в 1980 г.

При разработке принципов комплексного страноведения Баранский предостерегал от попыток объединить физическую и экономическую географию в некую «общую географию» и против смешивания страноведения с экономической географией.

Он писал: «Страноведческие описания стран и районов могут создаваться не путем рудиментарных, искаженных и уродливых «наращений» и не путем «общей географии», а путем создания наряду с физико- и экономико-географическими специальностями, которые должны остаться и продолжать развиваться каждая по своей линии, еще третьей особой специальности — страноведческой, имеющей своей задачей восстановить на новых началах синтетическое изучение стран и районов, охватывающее и природу и человека во всем их сложном взаимодействии»¹.

Баранский решительно выступал против сужения рамок страноведения, считая, что оно должно включать широкий круг вопросов, касающихся природы, истории, населения, экономики, культуры и политики страны.

Принципы комплексного страноведения были положены Баранским в основу учебного плана страноведческого отделения МГУ.

8) Баранский создал советскую экономическую картографию. Необходимость в картах он почувствовал в самый ранний период приобщения к экономической географии, когда начал преподавать этот предмет. Работа в БСЭ явилась для него своего рода начальной школой картографии. Особенно большое влияние на него оказал картограф А. А. Ульянов. К статьям нередко нужны были карты, а их приходилось заказывать и редактировать. А картографы часто давали на картах такую большую нагрузку, что имеющиеся в статье названия населенных пунктов терялись в массе необязательных пунсонов и названий. Так Баранский пришел к выводу о необходимости картографической генерализации.

Экономические карты размещения какой-либо одной отрасли промышленности или сельскохозяйственной культуры не удовлетворяли ни с методологической, ни

¹ Баранский Н. Н. Избранные труды. Научные принципы географии. М., 1980. С. 34.

Н. Н. Баранский и
картограф А. А. Уль-
янов (1920-е годы)

с методической стороны. И желание дать хозяйственную картину страны, района в целом (или хотя бы изобразить ведущие отрасли) привело Баранского к синтезу, к изображению на карте пространственного сочетания если не всех отраслей и производств (что не всегда нужно), то хотя бы соподчиненных, т. е. к показу взаимодействующих частей целого. Такие синтетические карты с диаграммами появились впервые в его учебнике «Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана» (М.; Л., 1926), затем в «Кратком курсе экономической географии» (Вып. 1 и 2. М.; Л., 1928).

Заинтересовав своими опытами В. А. Каменецкого, М. А. Цветкова из ЦНИИГАиК и еще некоторых энтузиастов составления синтетических карт, Баранский пришел к мысли о необходимости разработки типологии экономических характеристик. Они могут показывать или производственное направление хозяйства, или общественно-экономический уклад. Поскольку составление таких карт зависит от состояния статистической базы, разработка их затруднена.

Не только афоризмом, но и принципиально важным утверждением является фраза Баранского: «Карта — один из критериев географичности»¹.

Большую ценность в методологическом и методическом отношении имеют его размышления и конкретные предложения, сформулированные в статье «Генерализация в картографии и в географическом текстовом описании». Первоначально она была опубликована в 1946 г. в «Ученых записках Московского университета» (вып. 119. География. Кн. 2) в виде развернутых тезисов. Статья состоит из 38 тезисов, представляющих собой научные положения, рассуждения (в частности, о типологии явлений, изображаемых на карте), опыт автора, пожелания о том, в каком направлении надо продолжать работать по генерализации карт.

Трудно пересказать кратко все самое существенное в этой статье Баранского, лучше ее прочитать. Но о текстовой генерализации надо сказать из-за новизны подхода к этому вопросу и выразительности его постановки. Из отмеченных автором пяти способов генерализации в картографии для генерализации текста пригодны только четыре (отбор материала, переход к более крупным единицам, сохранение числа качественных и числа количественных различий).

Зато в отличие от картографии в текстовом описании возможно и необходимо прибегать к сравнениям и образам. Прием этот не новый, некоторые сравнения устарели, не потеряв, однако, своей выразительности и убедительности. Например, Апеннинский полуостров издавна уподобляют сапогу, остров Куба похож на высунутый птичий язык, штат Оклахома напоминает очертаниями кастрюлю с ручкой. Надо не останавливаться на привычных для текстовых и словесных описаний сравнениях, а «идти и дальше, касаться не одной только конфигурации, но и других более существенных сторон описываемого географического объекта»², доходя до художественного образа.

Последний, 38-й тезис статьи свидетельствует о самокритичности и научной объективности автора. Он утверждает, что «настоящая статья не только не исчерпы-

---

¹ Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. С. 286.

² Там же. С. 313.

вает темы, но представляет собой слабую попытку подхода к ней»¹. Заканчивается статья размышлениями о том, что еще нужно сделать в научной разработке поставленной проблемы.

Молодость экономической картографии как научной дисциплины требует найти линии размежевания и контакта со смежными дисциплинами — общей картографией, экономической географией и экономической статистикой; наиболее тесны у нее связи с экономической географией.

При составлении экономической карты какой-либо территории надо хорошо знать ее и владеть методами картографирования экономики. Для развития экономической картографии нужно тесное содружество специалистов общей картографии, экономической статистики и экономической географии². По мнению Баранского, при соблюдении необходимых условий можно ожидать упрочения и развития экономической картографии. И надо сказать, что трудами его учеников и последователей (В. Н. Коровицына, А. И. Преображенского и др.) эти указания реализованы в атласах и картах, вышедших еще при его жизни.

Заслуга Баранского в области экономической картографии состоит и в предложенных им способах картографирования, в географическом подходе к составлению карты, в применении географических методов перенесения нужного материала на карту, в принципиально новом отношении к функциям, возлагаемым на картографию. До Баранского экономические карты имели преимущественно статистический характер и обычно изображали нужные «данности» в виде картодиаграмм и картограмм (в лучшем случае такие карты снабжались сеткой политико-административного деления). Баранский теоретически обосновал и практически показал необходимость и возможность изображать на экономических картах различные связи (производственные, связи с физической географией, с сеткой экономических районов), добиваться локализации на картах экономических явлений, генерализации. И одновременно Баранский разработал классификацию экономических карт, ставшую традиционной в науке.

---

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 332.

² Там же.

Возможности картографического изображения по методам Баранского этим не исчерпываются. Он считал необходимым совершенствовать способы показа картографических ситуаций, разрабатывать карты внутренних и внешних производственных связей (существующих и проектируемых) с учетом мощности связей и специализации районов во всесоюзном масштабе. Кроме производственных связей районов он считал важным показывать связи промышленных узлов.

Баранский предлагал также создавать карты ареалов крупномасштабного строительства (типа Большой Волги и др.), рекомендовал пользоваться более крупномасштабными врезками типичных для данной территории ареалов (например, Ферганская долина на карте Узбекистана), придавал большое значение составлению крупномасштабной экономической карты по топографическому планшету с натуры (эту работу успешно проделывал он в разные годы с коллегами и учениками). Следует упомянуть еще об одной задаче, которую он поставил перед экономической картографией. Это разработка классификации производственных типов сельского хозяйства, необходимая для составления общеэкономических карт.

В 1931 г. Баранский разработал и стал читать курс экономической картографии в МГУ. Позднее он написал совместно с А. И. Преображенским учебник для университетов «Экономическая картография» (М., 1962), которым и сейчас пользуются студенты.

Многие идеи, выдвинутые Баранским, были в той или иной мере воплощены в практических делах при его активном участии. Например, организация географического издательства, сборников «Вопросы географии», план многотомного издания «География Советского Союза (полное географическое описание)», известное еще как «Большая география СССР», составление экономико-географических карт и т. д. Другие начинания осуществлялись уже без него.

Так, Баранский предложил географический принцип в организации изучения территории СССР. «Ни одна страна в мире не испытывает такой большой и такой острой нужды в комплексном географическом изучении своей территории, как наша страна. И дело здесь не только в наличии в пределах нашей страны — особенно на востоке и севере — значительных, еще недостаточно

Сектор экономической картографии НИИГ МГУ. Слева от Н. Н. Баранского В. А. Каменецкий, справа И. А. Витвер (1935 год)

исследованных и малоосвоенных территорий, но также и в том, что ни в одной стране мира, и никогда на протяжении всей истории человечества не происходило такого грандиозного, в плановом порядке ведущегося хозяйственного строительства, как это имеет место в настоящее время у нас в СССР»¹.

Для выполнения этой колоссальной работы нужно привлечь институты географии, имеющиеся при республиканских академиях наук, географические факультеты университетов и пединститутов, отделения Всесоюзного географического общества, учителей географии. Создаваемые на местах ячейки должны вести учет местных условий, прежде всего географических. И каждую часть территории надо изучать во всех опосредованиях. Организацией, объединяющей и направляющей всю работу, должен быть центральный географический институт СССР по изучению отечественной территории. Это предложение ныне выполняется другими учреждениями.

---

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 216.

и — республиканскими академиями наук, отделениями, иллиалами и базами Академии наук СССР.

Баранский рассматривал географию как науку комплексную, конструктивную, помогающую преобразованию хозяйства Советской страны и этим активно участвующую в разработке планов развития социалистической экономики.

Баранский был убежден в том, что характер влияния природной среды, географического положения, исторических условий на экономику страны, района зависит от общественно-политической структуры государства, уровня развития науки и техники; он особенно глубоко исследовал роль географического фактора в вопросах размещения производства по территории страны, района. Он считал, что основная задача географов состоит в изучении роли географического фактора при главенстве социально-экономического. Иначе неизбежно «открытие» уже известных истин, равно как и «охота на чужих полях» силами дилетантов.

Баранский высказывался как за дифференциацию, так и за интеграцию (за единство разных направлений и дисциплин) в системе географических наук, ибо география состоит не только из физической и экономической географии; в нее входят география социальная, география населения, география культуры, политическая география, а также страноведение, медицинская география, военная география.

Верный марксистско-ленинской диалектике, Баранский в своих исследованиях стремился найти причинность хозяйственных явлений, выявить сочетания, взаимосвязи, взаимодействия различных факторов, влияющих на хозяйственную и социальную жизнь населения, на территориальные различия в экономической, социальной и культурной сферах. Это и привело его к утверждению экономической географии как науки географической и одновременно социально-экономической.

Принимая во внимание огромные размеры территории СССР, различия «от места к месту» в природных условиях и ресурсах, в расселении и плотности населения, в генезисе составляющих ее природно-территориальных комплексов, в истории развития экономических районов. Он утверждал, что планирование народного хозяйства должно быть не только экономическим, но и географическим, так как социалистическая система пред-

ставляет для этого особенно благоприятные возможности.

Баранский ввел понятие географическая специфика, подразумевая под этим природные, исторические и экономические особенности, выделяющие данную территорию из других. Географическая специфика нередко тесно связана со специализацией страны, района, отражается в них и может быть выявлена в экономической географии и картографии.

Он доказал необходимость географизации экономической географии и экономизации физической географии. Благодаря этому экономико-географы начали глубже изучать природную среду, а физико-географы стали доводить свои исследования до экономической оценки природных условий и ресурсов.

Баранский разработал схемы изучения страны, района, города. Они дали возможность по-новому систематизировать собранные факты, выявлять взаимосвязи, особенно между физической и экономической географией, экономикой и историко-географическими сведениями.

Баранский был поборником возрождения искусства географических описаний и характеристик. Он подчеркивал необходимость синтеза этих форм изложения, воспитания у географов умения стилистически грамотно и образно писать характеристики. «Такого рода характеристики, изложенные в форме описания, без скучных рассуждений, характеристики, в которых логическая связь явлений показывается самим отбором фактов и подбором их в определенной последовательности, много изящнее всяких других»¹.

Несомненно, он был генератором идей! Любознательность, стремление понять причины социальных и экономических процессов в стране, аналитический ум нередко приводили Баранского к интересным научным выводам в неожиданных обстоятельствах. Посланный в 20-х годах по поручению партии в Ивановскую область для работы в качестве пропагандиста среди рабочих — молодых коммунистов Ленинского призыва, он в этом текстильном районе нашел зачатки будущего машиностроения и пришел к мысли о том, как зарождается новая отрасль

---

¹ Баранский Н. Н. Избранные труды. Научные принципы географии. С. 71.

промышленности. Он считал, что кадры для машиностроения возникают в недрах текстильных фабрик в виде ремонтников машин, наладчиков, слесарей. Специализация новых заводов определится потребностями текстильных фабрик, а рабочие после повышения квалификации могут перейти на предприятия текстильного машиностроения. И действительно, в 30-е годы в Иваново такая новая отрасль возникла, хотя прежде считалось, что для этого нет предпосылок.

Баранский на этом примере показывал, как одна отрасль промышленности рождает другую, а та в свою очередь — третью и четвертую. Это отражается на росте города и сферы обслуживания, влияет на приток рабочих из числа сельских жителей, сначала из ближайших к городу селений, а затем и из более отдаленных. Но в капиталистической стране бывает и не так: фабриканты заводят мелкие текстильные предприятия на селе, притягивая производство к дешевой рабочей силе, как было в свое время и вокруг Москвы, да и в той же Ивановской области.

Глава 4

Новатор-методист

Николай Николаевич Баранский отдал много труда, времени и таланта не только теории науки, но и методике преподавания экономической географии. Создание методики школьной экономической географии целиком принадлежит Баранскому. До него были отдельные работы, отечественные и зарубежные, по методике преподавания физической географии. Среди них выделялись книги и статьи по краеведению, наблюдениям в лесу и в поле. Перед войной вышли в свет две удачные методики преподавания физической географии¹.

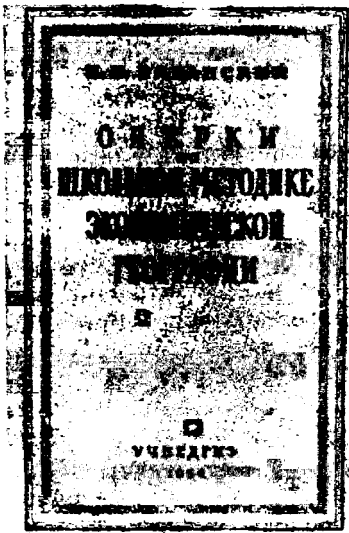
Собственный преподавательский опыт, издание программ и учебников по экономической географии, общение с учителями географии, редактирование журнала «География в школе» помогли Баранскому прийти к мысли о необходимости особого курса методики преподавания экономической географии. В 1937/38 учебном году Баранский читал для учителей географии небольшой курс методики экономической географии. Находясь в эвакуации (первоначально в Казани, а затем почти два года в Алма-Ате), он подготовил большую работу по методологии и методике экономической географии². В 1946 г. он опубликовал свою первую книгу по методике школьной географии³. В упомянутую книгу вошли статьи, напечатанные Баранским в разные годы, преиму-

---

¹ См.: *Половинкин А. А.* Методика преподавания физической географии в средней школе. М., 1938; *Буданов В. П.* Методика преподавания физической географии. Л., 1939.

² См.: Основные положения методологии и методики экономической географии (в самом кратком изложении для начинающих учителей)//«География в школе». Методический сборник. Вып. 2. М., 1944.

³ См.: *Баранский Н. Н.* Очерки по школьной методике экономической географии. Пособие для учителей. М., 1946; 2-е изд., 1954; 3-е изд., 1955.

щественно в «Географии в школе», а также подготовленные им заново.

В 1954 г. Баранский опубликовал большую научно-методическую работу «Исторический обзор учебников географии (1876—1934)». Книга на первый взгляд кажется сборником рецензий на 233 учебника географии. На самом же деле в ней содержится ответ Баранского на вопрос, какими были и какими должны быть учебники по этому предмету (а заодно и сама школьная география), их место в учебном процессе, в воспитании нравственных и гражданских чувств.

В 1957 г. вышла его книга «Экономическая география в средней школе. Экономическая география в высшей школе», представляющая сплав идей в области теории и практики методики советской экономической географии, и, наконец, в 1960 г. издана книга «Методика преподавания экономической географии. Пособие для учителей», куда добавлена теоретическая часть, не вошедшая в первое издание «Очерков по школьной методике экономической географии».

Основу понимания сущности методики Баранский видит в методологии предмета. Какова методология, такова и методика. В этом он солидарен с Н. К. Крупской: «Методика, правильно поставленная, должна вытекать

из самой сущности предмета»¹. К методологии Баранский относит способы и процесс добывания знаний. К методике — способы сообщения знаний, обучения. При этом наука имеет одни методы исследований, приобретения знаний, методика обучения — другие, так как и цель ее иная: передать учащимся знания, добытые наукой.

Однако не вся наука нужна в школе и не весь материал можно уложить в отводимое на уроки время, не все пригодно для данного возраста. Отсюда следует, что отбор сообщаемых научных сведений — генерализация знаний — дело первостепенной важности. Баранский ввел в методику обучения понятия генерализация и конкретизация. Метод генерализации знаний предусматривает отбор учебного материала и состоит в выделении главных сведений, которые следует всегда знать и понимать, а не заучивать. Кроме того, учитываются возраст и подготовка учащихся, программа, отведенное на тему время.

Конкретизация не требует пояснений. Все же заметим, что она лучше достигает цели обучения и воспитания, если связана с картой и если при изложении темы по возможности избегать иностранных терминов, сложных понятий.

Второе — форма подачи материала. Она должна быть доступной и увлекательной. Понятность, заинтересованность школьников предметом достигаются искусством учителя вести урок, опытом, умением пользоваться на уроке учебными пособиями, картами. Баранский был проповедником красноречивого стиля преподавания. Он был великолепным лектором. Его лекции и книги свидетельствовали о том, что красочный язык внутренне присущ географии. Полный курс экономической географии СССР он читал разве что в молодости, а со временем у него появились избранные темы, которым он отдавал предпочтение (Центральный промышленный район, Сибирь, Казахстан, Средняя Азия, США, Канада, Австралия). Многим слушателям Николая Николаевича навсегда запомнились такие яркие образные сравнения, почти каламбуры, как, например, по Казахстану: «Здесь все центры были на периферии, а периферия — в пустынном центре; по окраинам были и города, и дороги, и посевы». Или про Австралию: «Здесь все наоборот: на се-

---

¹ Крупская Н. К. О воспитании и обучении. М., 1946. С. 156.

вере жарко, па юге прохладно, зима в июне, лето в декабре, рыбы летают, а птицы не умеют, собаки не стерегут, а нападают на стада, кроликов не разводят, а уничтожают как вредителей, и даже давнее «рабочее» правительство прекрасно защищает интересы капиталистов». Или про Норвегию: «Здесь все смотрит на море и живет морем, все и от рыболовства, и от судоходства (а теперь он наверняка добавил бы — и от морской нефтедобычи.— З. Ф.)». И мрачно заключал: «Там мужчины и умирают обычно в море». Ну как в этих афоризмах и образах не усвоить суть страны!

К задачам школьной и вузовской экономической географии Баранский прежде всего относил выработку умения строить уроки и лекции так, чтобы идеи коммунистического воспитания органически сочетались с содержанием урока.

Важнейшая задача преподавания географии — научить школьников и студентов географическому подходу к изучаемым процессам и явлениям в природе и обществе. Подобно математическому, историческому видам мышления, существует и географическое мышление. Это понятие Баранский разработал в специальной статье¹. Под географическим мышлением он понимал умение находить географические особенности территории (страны, района) и объяснить их причины, выявлять различия «от места к месту», существующие в силу неодинаковых природных условий, разного географического положения, особенностей истории развития населения, хозяйства, культуры. Географическое мышление предполагает комплексный подход к изучению явлений в природе и обществе. Территориальные комплексы должны рассматриваться во всех связях и опосредованиях. Такой подход отвечает принципам диалектического материализма². Географическое мышление и знание карты — это то, что выделяет географию среди других школьных дисциплин.

Правда, карту изучали и в дореволюционной школе. Нигилистическое отношение к карте наблюдалось лишь в годы, предшествовавшие постановлению партии и правительства от 16 мая 1934 г. Но что изучали по карте

---

¹ См.: Баранский Н. Н. Что понимать под выражением географическое мышление // География в школе. 1938. № 2.

² См.: Баранский Н. Н. Очерки по школьной методике экономической географии. М., 1954. С. 18.

прежде? Реки, горы, моря, города, т. е. географическую номенклатуру. С Баранского начинается новое содержание карт и новая методика их изучения. Перед картой ставится задача помочь учащимся усвоить природные ресурсы территории (страны, района) и превратить их в экономический потенциал. Баранский поставил перед школьной географией задачу научить осмысленному знанию карты, особенно экономической. Кроме того, выработать у учеников навыки работы с цифровым материалом, таблицами, диаграммами.

Баранский почти с первых шагов своей многосторонней деятельности больше всего был связан с составлением школьных и вузовских программ и учебников. В наиболее законченном виде свое понимание содержания школьного курса экономической географии и методов обучения Баранский изложил в стабильном учебнике «Экономическая география СССР» для 8-го класса средней школы (М., 1935). Мы останавливаемся на этом учебнике потому, что он был написан вскоре после исторического постановления от 16 мая 1934 г., которое по существу утвердило методологические и методические позиции Баранского, окрылило его продолжать работу над совершенствованием и углублением основ экономической географии.

Вместе с тем учебник был создан применительно к курсу, на который отводился 91 час в год, рассчитан был на 16-летних школьников, с которыми можно было говорить научным языком. Он включал существующие тогда экономические районы Госплана, каждый из которых объединял несколько областей. Автору было удобно осуществлять свои методологические идеи: показывать внутренние различия стран, районов, межрайонные связи, роль географического разделения труда, единую схему изложения. Все это логично укладывалось в текст, делало районы непохожими друг на друга. Автора упрекали иногда в трудности учебника для школьников¹. Он это понимал и сокращал его в последующих изданиях,

---

¹ Этот стабильный учебник экономической географии (как, впрочем, и предыдущие) некоторые учителя упрекали в сухости и перегруженности деталями, противопоставляя его более живому учебнику экономической географии зарубежных стран для 9-го класса И. А. Витвера. Баранский сам в общем соглашался с этим, объясняя недостатки своего учебника отсутствием нужного времени («Требовали сделать срочно», — говорил он). — О. Н.

выделял мелким шрифтом необязательный материал. Это облегчало освоение учителями нового учебника, заменившего старые, «по которым невозможно было учиться». Учебник полюбился учащимся (как и учебник для 9-го класса по экономической географии капиталистических стран И. А. Витвера) системой изложения, интересными сведениями, объяснением причин явлений (вот где была «причинная» география!), связями с физической географией и историей, включением образных выражений или топонимических объяснений, облегчавших запоминание, дельными, умными вопросами для повторения, сопровождавшими каждую главу. Учащимся особенно нравились разъяснения закономерностей возникновения и размещения хозяйства, городов. Это осмысливало чтение текста и облегчало запоминание. Для учителей географии учебник Баранского (1935 г.) был своего рода самоучителем экономической географии СССР.

Стабильные программы, подготовленные под руководством Баранского на основе постановления от 16 мая 1934 г., с некоторыми изменениями переиздавались вплоть до 1958 г.

В основу стабильной программы для 8-го класса по курсу экономической географии СССР легла программа, изданная в 1933 г. Ее преимущества перед теми программами, что издавались до нее, заключались в ясной системе изложения, полноте, позволявшей рассматривать программу в качестве конспекта каждой темы, применении впервые схемы изучения страны, района, предложенной Баранским еще в 1927 г., позже усовершенствованной и положенной в основу конкретных характеристик стран и районов.

Но недостатком и этих стабильных программ (как и им предшествующих) был концентризм, вызванный тем, что обязательное обучение в довоенные годы у нас было семилетним (затем восьмилетним), и в любом случае в 8-е и в 9-е классы переходили не все школьники. Поэтому, чтобы дать всем хотя бы минимальные законченные знания по географии, приходилось в 6-м классе кроме физико-географического обзора частей света кратко изучать природу и хозяйство главных капиталистических стран, а в 7-м классе кроме физико-географического обзора, природы и населения СССР кратко изучать еще и хозяйство. В результате в курсе географии для 9-го класса происходило неизбежное повторение кур-

са географии 6-го класса, в курсе для 8-го — курса 7-го класса. Следовательно, нужны были оригинальные учебники для 8-го и 9-го классов, чтобы этого повторения не чувствовалось. Это было достигнуто, когда потребовалось изучать каждую административную область. Сокращение объема учебника при увеличении числа изучаемых единиц делало его сухим, менее интересным. «Уходил» описательный и историко-познавательный материал, который обогащал текст. То же происходило и с учебником для 9-го класса.

В пединститутах до Баранского не было ни учебника, ни программы, ни курса лекций по методике преподавания экономической географии. Методика ограничивалась физической географией, а экономическая география в лучшем случае присутствовала в плане хозяйственного использования природных ресурсов. С приходом Баранского появилась методика преподавания экономической географии, сначала в виде обособленного курса лекций и отдельных его статей (чаще всего в журнале «География в школе»). Затем он подготовил специальное учебное пособие по методике экономической географии.

В разработке ряда методических вопросов Баранский был новатором. Например, он проповедовал «причинную» географию, т. е. призывал слушателей к постоянной нацеленности на выяснение закономерностей, причин явлений в физической и экономической географии.

Баранскому принадлежит разработка метода связи явлений. По его словам, овладеть этим методом — значит возвыситься до умения географически мыслить, а это значит рассуждать связно, комплексно, не замыкаться в рамках одного «элемента» или одной «отрасли». Это мышление, «играющее аккордами, а не одним пальчиком».

Баранский всегда осуждал «полочковую» географию — порочный метод, когда взаимосвязанные явления изучаются оторванными друг от друга, как бы расположенными «по полочкам», и в противоположность ему учил пользоваться методом связи явлений.

Этот метод имеет важное методологическое значение. «Если в географии не давать пространственной связи между явлениями, не давать связной, логически законченной характеристики стран и районов, что же оста-

нтся от географии как науки? Собрание справок — не наука!

<...>

Изучение связи разнородных явлений в пространстве составляет самую суть географии, ее «ядро», без которого она лишается смысла своего существования»¹.

Этот же принцип существен и в методике географии. Если не пользоваться им, то на ученика ложится непомерная нагрузка — запомнить огромное количество цифр и названий. Но «если главный упор в процессе обучения делать не на память, а на мыслительные способности, то в качестве «побочного продукта» обучения получается развитие этих мыслительных способностей. А ведь в этом и заключается суть всякого истинного обучения!»².

Установлению связей между явлениями предшествует выявление своеобразия каждого места, а для этого необходим учет различий «от места к месту». «Выявить их и твердо установить, а затем увязать их между собой и объяснить, составить продуманные характеристики разных мест — вот задача географии»³.

А что нужно для составления характеристики страны, района по методу Баранского? «Отбираются важнейшие черты, отличающие данную страну или данный район от прочих; эти черты приводятся в определенную связь между собой, в определенную систему, из них выделяется ведущая, занимающая в этой системе центральное положение. Затем мобилизуются те особенности в положении, природе и исторических судьбах данной страны или района, которые могут объяснить уже выявленные нами особенности хозяйственного облика данной страны или района»⁴.

Некоторые методы обучения, казалось бы, не являются «изобретением» Баранского, они существуют с давних времен. Но применительно к экономической географии он наполнил их иным содержанием, вдохнул в них новую жизнь. Таков, например, сравнительный метод. Его и прежде практиковали в школе по всем предметам, и особенно на уроках и в учебниках геогра-

---

¹ Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. С. 160.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 166.

фии. Но вот Баранский по-своему применил его в сравнительных характеристиках стран и районов, и этот метод «заиграл» новыми гранями; он осмыслил такие факты и экономико-географические явления, на которые до него не обращали внимания. Он задался целью показать, в чем состоят различия между Швецией и Уралом, почему годы подъема их металлургии (с Урала при Екатерине II металл вывозили даже в Англию!) сменились периодом упадка, пути выхода из кризиса. Или сравнение Сибири с Канадой, Швейцарии с Кавказом. Это классические примеры сравнений, выявления роли географического положения и роли социального фактора в преодолении экономического кризиса.

Наглядность обучения — еще один давний способ приобщения учащихся к географии. Уроки издавна оснащались картинками, диапозитивами, теллуриями, позже кинолентами, показывающими ландшафты разных стран, людей, их населяющих. Баранский особое внимание уделял самодельному изготовлению пособий, вскрывающих международные и внутренние производственные связи, предлагал изготавливать учебные фильмы на экономико-географические темы, особенно такие, где нужно показать в действии межрайонные проблемы (например, производственные связи Урало-Кузнецкого комбината), а также «тетради для практических работ» по экономическим районам и республикам СССР. В начале 30-х годов под его редакцией был издан ряд таких пособий. Во время работы с ними от учащихся требовалось составлять диаграммы и картограммы по республикам и экономическим районам РСФСР.

Подобного рода пособия он рекомендовал готовить и учителям вместе с учащимися, видя в этом как познавательную сторону, так и привитие школьникам практических навыков.

Большое значение Баранский придавал занимательности изложения учебного материала — «рисованию языком» — поддержанию на уроке внимания учащихся, интереса к сообщаемым знаниям, тем более что география для этого особенно подходящий предмет.

Судя по учебникам и лекциям Баранского, сам он достигал этого внешними средствами и раскрытием внутреннего содержания материала через связи экономической географии с историей, физической географией, географическим положением страны (района, города) и

т. д.¹ К внешним средствам можно отнести образные выражения: Карелия по климату — «подстоличная Сибирь», Дальний Восток — от карликовой березы в тундре до пробкового дерева на юге и от оленя до тигра.

Для раскрытия внутреннего содержания учебного материала он сравнивал разные страны и районы по аналогии или по контрасту их природы, экономики, исторического развития. Таковы сравнения Сибири с Канадой. Или объяснение, почему во времена Московского государства города в Сибири возникали на севере, в тайге, на реках, тогда как города, построенные в России в XIX в. при прокладке Сибирской железной дороги, оказались, как и сама дорога, в лесостепной полосе. В первом случае казацкие отряды шли в Сибирь за «мягкой рухлядью» (т. е. за мехом), а в конце XIX в. в Сибирь шли за хлебом и с целью земледельческого освоения.

Или его объяснения причин специализации Промышленного центра: отсутствие черноземных земель обращало население к промыслам; этому же способствовало «гнездовое» залегание железных руд, глин, наличие густых лесов, а с ними древесного угля. Не прокормившись от земледелия, крестьяне должны были «промыслить себе пропитание» (выражение Баранского), т. е. найти средства к существованию. С этой целью одни обращались к промыслам (отсюда позже промышленность, Промышленный центр), другие — к отхожим занятиям.

Подобными пояснениями полны историко-географиче-

---

¹ Нередко Баранский в своих лекциях добивался и занимательности, и вместе с тем запоминающейся яркости подчас, казалось, самыми неожиданными и оригинальными сравнениями. Так, на одной из лекций, прочитанных им в начале войны учителям Алма-Аты, он сравнил экономическую карту Казахстана (с его экономикой на периферии республики) с... головой облысевшего мужчины в венчике волос! Одна из слушательниц с обидой воскликнула: «Ну, как же так? У нас в центре Казахстана и Караганда, и Балхаш, и Джезказган!» Он невозмутимо парировал: «Ну и что же? И на лысине бывает по два-три волоска!» А с чем он сравнил бы теперешний Казахстан, в центре которого не только эти три промышленных очага, но и новые дороги, и всемирно известный космодром? С огнедышащей горой, окруженной полями и городами? А на другой лекции там же Баранский на просьбу охарактеризовать экономико-географическое положение Алма-Аты ответил: «Столица Казахстана расположена на самой окраине расселения казахов, а на мировой карте — на стыке... трех окраин: Советского Союза, Китая и Индии» (Пакистана тогда еще не было). — О. Н.

ские очерки его учебников, делающие учебный материал осмысленным, положенным на историческую или природную основу, на карту.

Баранский придавал исключительно большое значение не запоминанию, а пониманию учебных знаний. «Что понято — то навсегда, — говорил и писал он, — что вы зубрено — то ненадолго».

Многие из высказанных Баранским положений выражают его основные методологические и методические идеи; они не утратили своего значения по сей день. Так, в его работе «Основные положения методологии и методики экономической географии»¹ разбросаны такие ценные мысли.

Сочетание и взаимодействие разнородных явлений в пространстве — в этом «душа географии».

Описания надо поднимать до уровня характеристик, потому что описание надо брать памятью, а характеристику достаточно понять, чтобы запомнить на всю жизнь.

За производством нельзя забывать производителя, т. е. человека, со всем своеобразием его жизни, быта и различий «от места к месту».

Экономическая география должна рассматривать трудовые навыки и производственные традиции населения, степень и характер развития культуры, особенности расселения, населенных пунктов, жилищ, политического строя страны и т. п. с учетом местных особенностей природы и хозяйства.

Экономико-географическая характеристика должна включать и экономическую оценку природных условий.

Отрасли хозяйства помимо связи между собой должны быть увязаны с природными условиями и ресурсами. Отрасли хозяйства — это не перечни и описи, а тип хозяйства с упором на основные отрасли и сочетания между ними, с увязкой второстепенных производств с основными. Объясняя тип хозяйства (как и природный ландшафт), надо дать почувствовать его в ярком образе — зрительном, а иногда и слуховом².

---

¹ См.: География в школе. Методический сборник. Вып. 2. М., 1944.

² Баранскому это хорошо удавалось. Он иногда даже прибегал к вкусовым ощущениям. Например, рассказывая о США, о смене ландшафтов с запада на восток, он говорил, что, пересекая степи с солеными озерами, чувствуешь на губах соль. (Это давало повод многим слушателям лекций думать, что он бывал в США!)

Характеристики надо увязывать с особенностями природы, экономико-географическим положением, историческим прошлым. Иначе это не экономическая география.

Всякую территорию надо показывать как часть целого и как целое, состоящее из частей.

В учителе географии Баранский видел образованного, культурного человека, знающего свой предмет не «от сих до сих», а владеющего, как того требовал В. И. Ленин, всей сокровищницей знания. В лекциях, учебниках он не опускался до учителя, ученика, а поднимал их до себя.

Это заметно и в его методических статьях в «Географии в школе», и в его высказываниях. Однако он понимал, что среди учителей немало людей молодых, набирающих опыт, знающих пока только в пределах программы, и все же он рассчитывал на их научный и культурный рост и делал все необходимое для этого.

Баранский придавал большое значение умению рисовать на доске. Для этого надо, как он говорил, преодолеть «мелобоязнь», уметь наносить на доске, особенно цветными мелками, орографическую или гидрографическую ситуацию¹, по которой легко узнается часть карты, укрепляются пространственные представления у учителя и учащихся.

Что касается умения «рисовать языком», то это очень важное в работе учителя качество достигается помимо способностей еще и опытом, заранее заготовленным для урока материалом, выписками из книг, в том числе, а может быть и прежде всего, из художественных произведений, записями о собственных экскурсиях и поездках.

Баранский придавал важное значение и цифрам, оснащая ими лекции и свои научные работы. В этом легко

---

¹ Мне навсегда запомнилось, как Николай Николаевич, готовясь в пединституте к лекции (во время войны, в Алма-Ате) по Норвегии, рисовал цветными карандашами на большом листе «экономический вертикальный профиль» этой страны: глубокое море, узкая полоса побережья и горы. Море он «населил» рыбами, на море изобразил судно, на берегу — домик и кирку, рядом — корову и садик, а на горах — лес и овец и сказал: «Повешу это на доску, а цветными мелками рисовать не буду (вдруг нет мелков — война!)». И при этом над каждым «фрагментом профиля» надписал: рыболовство и судоходство, огородничество и скотоводство, лесной промысел, гидроэнергия, овцеводство. Ну как не запомнить? — О. Н.

убедиться, обратившись к его работам, в частности к учебникам. Однако делал он это осмотрительно, тщательно, рассматривая их как конкретный аргумент, доказательный довод, масштаб для сравнения. В одних случаях он прибегал к абсолютным цифрам, в других — к относительным; часто использовал показатели в процентном исчислении, алгебраические формулы.

Вместе с тем он отнюдь не считал, что обилие цифр украшает текст, делает последний непререкаемым; избыток цифр в тексте считал недостатком. В отношении с цифровыми показателями (или, как он говорил, «с цифирью») он был осмотрителен. О тексте, где без продуманного отбора напихано много цифр, говорил: «Это все равно, что каша с гвоздями». На вопрос учителей, какие показатели по территории СССР учащийся должен знать прочно, с чем он должен уйти из школы, Баранский отвечал, что достаточно, если ученик запомнит площадь и численность населения, и тогда по этим данным он сможет вычислить плотность населения. Зная эти три цифры, ученик получит масштаб для сравнения с аналогичными показателями в других странах. Что касается прочих показателей, то ученик должен уметь сам находить их в словарях, справочниках, энциклопедиях.

Баранский придавал большое значение масштабам для сравнения, или, как он говорил, некоторые показатели надо всегда «носить в кармане». Зная численность населения какой-либо столицы, можно сравнивать ее с таким же показателем любой другой столицы. Но для этого учитель должен показать пример пользования такими масштабами и методами сравнения. Он обращал также внимание на необходимость пользоваться округленными числами, так как они лучше запоминаются. В качестве примера он приводил территорию Советского Союза. Ее площадь составляет 22,4 млн км². Писать надо именно так, но произносить и запоминать — 22,5 или даже ровно 22 млн км².

Баранский прививал учащимся умение пользоваться справочниками, рекомендовал ученикам составлять карманные справочники, т. е. таблицы с данными об основных показателях стран и районов СССР. Тем более такие таблицы нужны самому учителю. Он рекомендовал также пользоваться сопряженными показателями: средняя плотность, умноженная на площадь страны (района), дает численность населения, а последняя, разделен-

ная на среднюю плотность или на территорию, дает нужный показатель — площадь территории или плотность населения. Комбинируя эти три показателя, можно изобразить те же данные графически, используя для этого стороны квадрата или прямоугольника.

Обращая внимание учителей на статистико-экономические показатели, особенно уместные при изучении отраслевого обзора страны или района, Баранский оставался верным карте, показу географической специфики в размещении хозяйства. Он говорил, что для Ленинградской области характерно исключительное значение в ней самого Ленинграда, для Казахстана — периферийное размещение в нем населения и почти всей экономики, для Поволжья — концентрация населения (особенно городского) и экономики вдоль Волги и т. п. По мнению Баранского, такое «картографическое» представление о стране или районе важно и по существу, и несравненно нагляднее, чем то, которое может быть дано только статистическими показателями. Путем внимательного рассмотрения карты у учащихся создаются пространственные представления, развивается географическое мышление. Баранский рекомендовал, когда это возможно, вместо таблицы и диаграммы обращаться к картограмме, картодиаграмме, имеющимся в учебниках или создаваемым под руководством учителя.

Большое значение Баранский придавал сравнительному методу при пользовании картой; наличие на уроке как минимум двух-трех карт, особенно физической, административной и экономической, он считал обязательным условием. Он был сторонником кабинетной организации уроков, так как при этом создается возможность обращаться к разным картам, в том числе к специальным, заранее развешанным по стенам. Наряду со сравнением карт, разных по масштабу, содержанию, географической основе (физических и экономических, административного деления и карт размещения промышленности или сельского хозяйства и т. д.), Баранский рекомендовал метод наложения карты на карту (равномасштабных, но с разной нагрузкой). Он считал, что особенно содержательные выводы и глубокое понимание изучаемого вопроса можно получать, когда схематическое изображение картографической ситуации, исполненной на кальке, накладывается на цветную карту в том же масштабе.

Баранский-методист смотрел на карту не только как на источник знаний, но и как на средство для проверки усвоения учащимися учебного материала. Карта для него имела и методологическое значение, как форма выражения научно-теоретических позиций.

Знание географии и знание карты, по мнению Баранского, имеет для нас исключительно большое политическое значение. Карта показывает социалистическое строительство во всех республиках, экономических районах, городах. Это важно не только для понимания где, что строится, но и в каких условиях—природных и экономических. С карты начинается географическое исследование (и, добавим, строительство.— **З. Ф.**) и картой кончается. Она активно побуждает к расширению географических исследований. «Карта... способствует выявлению географических закономерностей»¹.

Карта иллюстрирует текст, но она имеет и самостоятельное значение, так как не все, что есть на карте, целесообразно описывать в тексте.

«...Карта является одним из критериев географичности». И хотя «не все то, что «влезает в карту», географично, но зато все, что в карту «не влезает», как правило, негеографично»². Упор на карту, а именно понимание карты, пользование ею на полевых занятиях, экскурсиях, упражнения в глазомерной съемке, умение переводить карты из одного масштаба в другой—все это способствует развитию картографической культуры обучающихся.

Большое значение Баранский придавал учету знаний на уроках. Нужно выработать «систему способов закрепления, повторения и проверки знаний учащихся»³. Он считал, что в учете знаний выражаются мастерство и общая культура учителя географии, а также уровень знаний, сообразительность учащихся. Кроме того, учет знаний способствует творческим поискам учителя, повышению культуры занятий, если, разумеется, учитель владеет предметом и методикой обучения.

Баранский подробно разбирает типы вопросов, задаваемых учителем. Обращая внимание на то, что учет

---

¹ Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. С. 282, 283.

² Там же. С. 285.

³ Баранский Н. Н. Очерки по школьной методике экономической географии. М., 1954. С. 15.

включает контроль знаний и повторение по программе, он советует не отрывать одного от другого и рекомендует при задавании вопросов почаще пользоваться сравнительным методом (по аналогии и по противоположности), связывать вопросы с коммунистическим воспитанием, вырабатывать у школьников умение находить политическую сторону характеризуемого явления.

Особое внимание Баранский обращает на формулировку вопросов — этого нередко слабого места учителя, рекомендуя ему сначала попробовать ответить на составленные вопросы самому и только потом поставить их перед классом. Он дает «типологию» неудачных по форме вопросов, которые неизбежно ведут и к неудачным ответам. Не следует задавать неясные, неопределенные вопросы («Чем неудобен Кузбасс?») и вопросы, требующие односложных ответов («Вполне ли удовлетворяется Дальний Восток собственным хлебом?»), слишком обширные вопросы («Что вы знаете об Англии?»). Не следует задавать вопросы строго по тексту учебника («Где расположен Черноземный центр?»), так как ученик обычно и отвечает тоже по учебнику («Черноземный центр расположен...»). Неуместны на уроке и вопросы типа загадок, викторин («Где построить дом, чтобы все его четыре стороны были обращены на юг?»). Такие вопросы, по мнению Баранского, более приемлемы на занятиях географического кружка, во внеклассной работе. На «солдатскую словесность» похожи задания: «Перечисли горы и возвышенности Азии или реки Азии», «Покажи самые высокие горы, самые длинные реки» и т. д. Неудачны вопросы типа: «Сколько земли занято под зерновыми культурами?», «Как велико население Московской области?» и т. п. Баранский не был противником знания фактов, он был против преобладания вопросов номенклатурного характера.

Вот типы вопросов, которые Баранский считал более уместными по курсу экономической географии СССР: «Как изменяется плотность населения и какое значение имеет этот показатель для характеристики страны, района?», «Сравните Кузнецкий бассейн с другими крупными районами залегания углей по положению, количеству и качеству запасов, по степени развития, по значению»¹.

---

¹ Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 267.

С особым блеском Баранский показал, как можно с помощью сравнительных вопросов проникнуть в самую суть экономической географии, сделать учет знаний осмысленным и увлекательным занятием. Приведем еще некоторые вопросы:

— назвать области, лежащие целиком или отчасти в бессточном бассейне;

— указать случаи, когда межобластные границы проходят по водоразделам;

— указать области, включающие в себя районы, не знающие зимы (т. е. имеющие температуру января выше 0°);

— указать области наиболее лесные и наиболее безлесные;

— указать области, наиболее однородные по этнографическому составу своего населения, и области, наиболее разнородные;

— указать области, наиболее разнородные по плотности населения и наиболее однородные в этом отношении;

— указать области, территория которых вошла в состав России уже после 1800 г.¹

Отвечать на такие вопросы, как нам кажется, и полезно и интересно. Ведь не секрет, что учет знаний нередко преследует цель «подловить» школьника в неподготовленности или побольше поставить отметок, и потому превращается в скучнейшее занятие, особенно при опросе типа: «Покажи мне...», «А теперь покажи мне...» Тот же учет знаний, только проводимый «по Баранскому», учит мыслить, пробуждает пытливость ума, ставит задачу на сообразительность, заставляет перевернуть свои знания (и не только по географии!) и сгруппировать, осмыслить их по-другому. Такой метод способствует пониманию материала, который запоминается на всю жизнь. Типы вопросов, предложенные Баранским, помогают повторению темы, а если нужно, то и всей пройденной части курса, создают у учащихся привычку искать взаимосвязи, сочетания, укрепляют пространственные представления. Но чтобы задавать вопросы, нужно и обучать таким же образом.

Как видим, Баранский стоит за экономическую географию, совсем не ту, которая была в школе до него и

¹ См. Баранский Н. Н. Экономическая география в средней школе... С. 41, 46; География в школе. 1934. № 3.

даже (что греха таить!) не везде и при нем. Особенно это относится к тем годам, когда учителя географии были дезориентированы той экономической географией, какую они преподавали по учебникам, «по которым нельзя учиться», а перестройка «по Баранскому» шла медленно.

Отмечая критическую часть постановления партии и правительства от 16 мая 1934 г. (осуждение социологических схем и чрезмерной политизации, слабое знание учащимися предмета и карты) и его позитивную позицию (переход к стабильным учебникам и программам, подготовка новых пособий, карт, атласов и т. д.), Баранский одновременно не раз останавливался на том, что постановление сблизило физическую и экономическую географию, связало обе с картой, отменило отношение к географии как к предмету, якобы не требовавшему от преподающих специального образования. Ведь до постановления преподавателями географии в вузах нередко были... экономисты и юристы. Они не всегда вели географию как основной предмет (нередко по совместительству). В средней школе географию преподавали историки, обществоведы, биологи, а то и... учителя физкультуры. Привлекая внимание к карте («упор на карту»), постановление одновременно способствовало отходу от «номенклатурной географии», от заучивания географических названий, выяснению причинных связей между компонентами природы и между нею и хозяйственной жизнью страны, района, способствовало переходу от отраслевой географии к районной. Это повлияло и на изменения в высшей школе.

Понимание методических взглядов и идей Баранского, его роли в разработке школьной методики не будет полным, если не коснуться его книги «Исторический обзор учебников географии (1876—1934)» и работ в журнале «География в школе». «Исторический обзор...» вышел в свет в 1954 г.— к 20-летней годовщине исторического постановления «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР».

Эта книга — результат критического изучения 233 учебников географии и рецензий на них. Считая себя «продолжателем Л. Весина»¹, Баранский принял неко-

---

¹ Имеется в виду книга Л. Весина «Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 г. (1710—1876)».

торые его критерии оценки каждого учебника: научность, фактологическую достоверность, достоинства и недостатки методики. К этим критериям он добавил политическую позицию авторов и наличие географической специфики в учебниках.

Расположив учебники во временном порядке, он разделил их на две группы: с 1876 по 1917 г. и с 1917 по 1934 г. Каждому из периодов предпослано введение, в котором отмечены изменения, происшедшие в учебных планах, программах и учебниках, выделены лучшие учебники за каждый период и систематизированы по содержанию (курсам).

В число учебников 1876—1917 гг. вошли учебники по общему землеведению, по обзорам частей света, по географии России, некоторые учебники коммерческой географии и экономической географии, а также книги Н. М. Пржевальского, С. Меча, А. С. Баркова, С. В. Чифранова, Г. Г. Иванова и др.

При анализе учебников Баранский обращает также внимание на структуру текста, тематику иллюстраций, число и содержание карт.

Невозможно привести здесь все ошибки, благоглупости, положительные стороны, отмеченные Баранским¹. Он особенно внимательно изучал те учебники, в которых авторы применяли метод сравнения, генерализацию, конкретизацию в описаниях и характеристиках.

Персидя к советскому периоду, Баранский во введении кратко излагает, как перестраивалась школа, какие изменения претерпели учебные планы и программы, а с ними и география как специальный предмет, отмечает проникновение в педагогику «левацких» теорий (например, об отмирании школы) и «левацкой» практики в методике обучения. Характеризуя учебники для средней школы и рабфаков начала 1930-х годов, он выделил прежде всего «левацкие» — образчики географического

---

¹ К сожалению, редакция бывшего Географгиза, готовя эту книгу к печати, вычеркнула из рукописи многие острые фразы, столь типичные для Баранского, о чем и он очень сожалел. Мне довелось читать эту рукопись, и я запомнил весьма хлесткие его «резюме» по поводу некоторых старых учебников географии. Например, рецензируя один весьма верноподданнический учебник некоего князя, он написал примерно так: «Таким образом, автор этого учебника, написанного с позиций «православия и народности», в методике изложения не продвинулся ни на йоту, но князем остался вполне!» — О. Н.

нигилизма, переполитизации, картобоязни¹. За авторами таких учебников «осталась та совершенно неоспоримая заслуга, что своими учебниками, а также и прочими антигеографическими и «природоборческими» выступлениями они привлекли внимание партии и правительства, вынесших 16 мая 1934 г. историческое постановление «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР»»².

По мнению Баранского, учебники советского периода в отличие от дореволюционных не содержали страноведческого материала. Правда, были переиздания старых учебников по географии России, так как даже при отрицании предметной системы, в том числе и географии, свою страну все же надо было изучать. Но преобладали новые учебники по землеведению и экономической географии. К последней учащиеся приступали без достаточных знаний физической географии частей света. А учебники по экономической географии были написаны строго в статистико-отраслевом направлении. Ни районов, ни природной среды, ни ориентировки на карту! В методическом и идеологическом отношении эти учебники (за некоторым исключением) также устарели.

Разбор учебников начала 30-х годов столь же беспощаден, сколь и справедлив. Впрочем, эти качества он сохраняет и при оценке других учебников, в том числе учебника Л. Д. Синицкого, которого он ценил как ученого-методиста и к которому дружески относился в личном общении. Говоря о Синицком как о «талантливом писателе и человеке прогрессивных взглядов», Баранский тем не менее критикует его за то, что в учебниках экономической географии (1924—1925 гг.) он обнаружил непонимание госплановского районирования, сохранил отраслевое статистическое изложение материала.

А с какой силой иронии и уничтожающей критикой обрушился Баранский на учебники «неестественных географов», «природоборцев», подменивших экономическую географию чем-то более похожим на примитивное обществоведение!

---

¹ Николай Николаевич неоднократно говорил, что главной своей заслугой перед «Прекрасной Дамой Географией» он считает свою борьбу с «леваками» в географии и с их «левацкими загибами». — О. Н.

² Баранский Н. Н. Исторический обзор учебников географии (1876—1934). С. 371.

Если в «Историческом обзоре учебников» Баранский, говоря словами Маяковского, был «ассенизатором и водовозом», прорецензировав более 200 учебников школьной географии в свете марксистско-ленинской методологии и методики, то на посту редактора журнала «География в школе» он превратил журнал, говоря словами Лењина о печати, в «организатора масс». Надо помнить, что в начале 30-х годов подавляющая часть учителей географии (более 80%) не имела специальной подготовки. Первыми читателями журнала были учителя, обескураженные и дезориентированные учебниками, господствовавшими в школе до постановления от 16 мая 1934 г. Баранский через журнал приступил к разъяснению сути этого постановления, начал пропагандировать районное направление в школьной географии.

Он занялся переобучением учителей: разбирал трудные и новые темы программы, ориентировал их на необходимость знания физической географии, карты, роли природной среды в развитии общества, призывал к выявлению географической специфики, внутренних различий стран и районов, к замене отраслевой, «по полочкам» разложенной, географии на «причинную», комплексную, районную географию. Журнал знакомил и с планами и ходом строительства социализма в Советском Союзе, поскольку он был оперативнее учебников (6 номеров в год), а учителя нуждались в обновлении учебного материала.

Вместе с тем журнал рассказывал об опыте передовых учителей (А. А. Дометти, Ф. О. Жарова, С. В. Никольской, В. А. Рауш, К. И. Юркевич и др.), пропагандировал новые или забытые методы обучения. Так, например, рекомендовал учителям во время уроков преодолевать «мелобоязнь» и чертить по ходу объяснения темы картографические ситуации.

С первого номера Баранский привлек к работе ученых-географов: А. С. Баркова, Л. С. Берга, А. С. Доброва, Б. Ф. Добрынина, И. С. Звавича, И. П. Магидовича, А. А. Половинкина, В. П. Семенова-Тян-Шанского, О. Ю. Шмидта и многих других. В журнале активно печатался и сам Баранский.

В журнале писали методисты и учителя как начальной, так и высшей школы из Ленинграда, Киева, Казани, Вологды, Иванова, Куйбышева и других городов, а также сел нашей страны. С каждым номером журнал на-

бирал силу и вскоре превратился в печатный орган географов-единомышленников.

Баранский смело знакомил учителей с экспериментами, с методической новизной, которые нередко по его инициативе или при его активном содействии проникали в школы. Стоило ему узнать, что А. А. Коленкин проводит интересные внеклассные экскурсии по Москве и за ее пределами, как он привлек учителя читать лекции о методике экскурсий и побудил его написать статью на эту тему в журнал.

Узнав, что в Кратове (под Москвой) учитель Степеньков интересно проводит внеклассные занятия, Баранский едет к нему, чтобы заказать статью о работе кружка. Известен случай, когда Баранский, ознакомившись с письменными работами школьников, обнаружил их малограмотность, в частности в правописании географических терминов. Он пришел в школу и с разрешения директора провел в 5-м классе урок-игру. Он произносил вперемешку иностранные слова и географические термины (плоскогорье, запад, долгота и т. д.), а ученики должны были поднимать руки, когда произносится русское слово. В ходе урока Баранский убедился, что многие ученики нередко географические термины принимают за иностранные слова, значит, учителя не разъясняют происхождение и смысл терминов, и что поэтому необходимо подготовить Толковый географический словарь терминов для учителей и учащихся.

Заметным событием в разработке и пропаганде методических идей Баранского были статьи Ю. Г. Саушкина. В них он изложил опыт открытых уроков по темам «Урал» и «Казахстан», проведенных в 8-х классах одной из школ Москвы.

По мере того как журнал знакомил с опытом учителей географии, нарастал информационный «взрыв» идей. Появились статьи об учете знаний (фронтальном, уплотненном, дифференцированном), о необходимости географических кабинетов, «дежурной» карты, рекомендовались сообщения географических новостей на уроке и в стенной газете, организация школьных географических журналов, наблюдений и многое другое.

Журнал проводил дискуссии по спорным вопросам методики географии, ясно показывая собственную позицию. Так, достаточно было А. А. Половинкину написать в своей «Методике», что немые карты в школе не

нужны, что они «пытка для учащихся», как появились отклички учителей с резкими возражениями.

После споров о том, какими должны быть методические разработки отдельных тем и уроков, журнал (при энергично выраженном на заседании редколлегии мнении Баранского) выступил за разработку трудных и типовых тем, но в качестве помощи учителям, а не в виде шпаргалок, заменяющих самостоятельную работу учителя. Баранский всегда стоял за думающих, ищущих учителей, против учителей, механически повторяющих чужие слова. «У отсталого учителя — отсталые ученики», — говорил Баранский.

Много научных и методических статей напечатал в журнале и сам Баранский. Большинство из них послужили основой для подготовки методических пособий по географии и вошли в избранные труды (1956 и 1957 гг.) и в «Очерки по школьной методике экономической географии» (1946 и 1954 гг.). Многие его методические идеи прочно вошли в жизнь. Однако следует сказать, что некоторые ценные предложения не вошли в практику. Это издание парных настенных карт («немой» и с надписями), серии «Библиотека учителя», снабжение школ цветными мелками для уроков географии и др.¹

Будучи первым редактором журнала «География в школе», Баранский в то же время немало потрудился для создания школьной и вузовской программ, методических пособий, сблизив науку с методикой преподавания географии, теорию с практикой.

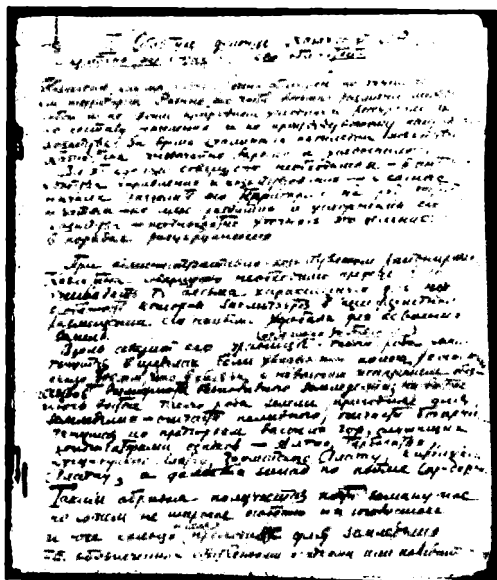
Он был автором учебника по экономической географии для 8-го класса средней школы, выдержавшего 16 изданий, удостоенного Государственной премии и переведенного на все языки народов СССР и ряда зарубежных, главным образом социалистических, стран. Благодаря его инициативе и личному участию в качестве редактора или автора регулярно издавались сборники «Вопросы географии», фундаментальная монография «Экономическая география в СССР. История и современное развитие» (1965 г.)². В послевоенные годы при

---

¹ См.: Баранский Н. Н. Девять практических предложений по реальной борьбе с формализмом в преподавании географии // География в школе. 1951. № 2.

² Монография вышла в свет, когда уже не стало Баранского. Он все же успел написать очерк о К. И. Арсеньеве и отредактировать ряд глав.

Фрагмент начала рукописи Н. Н. Баранского об экономическом районировании Казахстана (Алма-Ата, 1941 год)

его активном участии создано Государственное издательство географической литературы (Географгиз), позже вошедшее в издательство «Мысль» на правах географических редакций. Первыми главными редакторами Географгиза последовательно были его ближайшие ученики — Ю. Г. Саушкин и А. И. Соловьев. При участии Баранского были созданы географическая редакция Издательства иностранной литературы, Московский филиал Географического общества СССР.

Осенью 1934 г. Баранский организовал курсы для московских учителей географии. Они работали «в стиле Баранского» и чем-то напоминали дореволюционные воскресные рабочие школы.

Для зачисления на курсы не требовалось ни личного заявления, ни направления от школы или роно. Достаточно было лишь посещать занятия. Хотя контроль за посещаемостью отсутствовал, редко кто не являлся. Все строилось на личной заинтересованности, на понимании необходимости таких занятий. А они проводились по воскресеньям с 10 до 13 часов. При такой системе обучения справок об окончании курсов не выдавалось; учителя приходили не за справками, а за знаниями.

Баранский всегда присутствовал на занятиях. Но ес-

ли выступал приглашенный лектор, то Николай Николаевич бывал лишь в начале, представляя лектора. Делалось это им скромно, без громких слов и титулования (даже если это был Ю. М. Шокальский).

Кем была поручена Баранскому миссия организатора курсов, выполнявшаяся им на общественных началах, неизвестно. Размышляя об этом, приходишь к выводу, что Баранский сам себе это поручил, понимая так свою роль в реализации постановления партии и правительства от 16 мая 1934 г.

В годы Великой Отечественной войны Баранский, находясь в эвакуации в Алма-Ате, вел активную работу по объединению в системе Академии наук СССР молодых географов, ставших позднее известными в области страноведения, географии населения, географии поселений, топонимики и т. д. Это Е. Н. Гладышева, Г. К. Конкашпаев, О. Р. Назаревский, М. И. Семенова, М. Ш. Ярмухамедов и др.¹

В Алма-Ате он стал заведующим сектором географии Казахского филиала АН СССР (Казфана), заведующим кафедрой географии Казахского педагогического института им. Абая. Он вел большую работу по подготовке кадров географов. Он написал несколько учебных пособий для учителей, в частности «Основные положения методологии и методики экономической географии» (1944 г.), работы по военной географии Казахстана, справочники по странам Ближнего и Среднего Востока и другие статьи и книги². Кроме того, он часто

---

¹ Баранский был приглашен в Алма-Ату из Казани (куда он эвакуировался из Москвы) тогдашним заведующим сектором географии, бывшим аспирантом Баранского по МГУ П. В. Симоновым. Сектор был организован по инициативе Симонова в 1938 г. Сдав его Баранскому, Симонов вскоре ушел на фронт и погиб под Сталинградом. А Баранский, впервые придя в сектор географии, не без удивления и с нескрываемым удовлетворением воскликнул: «Ишь ты! И без Баранского школа Баранского!» Кроме известного Баранскому Симонова там работали в основном прежние учителя (А. А. Эмме, Ю. Г. Платонов, О. Р. Назаревский), уже несколько лет обучавшие своих учеников по учебникам Баранского и Витвера. А старейший среди них — А. А. Эмме еще в 1929 г. поместил в «Экономико-географическом сборнике» статью о типах сельского хозяйства Семиречья, написанную «в духе Баранского». — О. Н.

² Кроме того, находясь в Алма-Ате, Баранский был членом ученых советов Казфана, Института географии и Института экономики АН СССР (эвакуированных в Алма-Ату), где нередко выступал официальным оппонентом по защите кандидатских и докторских диссертаций и организовал первую в республике аспиран-

читал лекции раненым в госпиталях на географические и политические темы. Летом 1942 г. он выезжает в командировки в Москву и в Свердловск, а в 1943 г. окончательно возвращается в Москву.

туру по географии. Он был также профессором Высшей партийной школы. Следует напомнить, что, работая в Алма-Ате, он предложил ныне широко известное пятичленное деление Казахстана и экономико-географические характеристики каждой из пяти частей. В Алма-Ате Баранский близко познакомился с известным геологом, в свое время окончившим Томский университет, академиком АН СССР К. И. Сатпаевым (с 1945 г.— первый президент Академии наук Казахской ССР), которого ценил и высоко ставил как ученого и мудрого человека. А Каныш Имантаевич в каждый свой приезд в Москву, несмотря на колоссальную занятость, считал своим долгом обязательно навестить Николая Николаевича на его московской квартире и «побеседовать по душам». — **О. Н.**

Н.Н. Баранский В ЖИЗНИ

Николай Николаевич Баранский с первого взгляда обращал на себя внимание своей крупной, грузной фигурой, зорким, острым взглядом из-под нахмуренных бровей, мощным голосом, быстро меняющимся во время разговора выражением лица, бросающимся в глаза безразличием к своей внешности (как правило, галстук надевал в парадные дни, при выступлениях с докладом); седеющие волосы зачесаны назад, отдельные пряди волос спадают на лоб, но это во время лекции, при резких движениях головы. Седеющие на концах обвисающие усы (со временем совсем седые), под нижней губой — кустик волос, не то для украшения, не то чтобы подергивать при раздумье. Но пожалуй, самым памятным от первой встречи был пронизывающий взгляд светлых голубоватых глаз. Казалось, взглянул и понял тебя. И либо терял к собеседнику интерес, либо, наоборот, добрел, расцветал в улыбке.

Его отличали непосредственность, пылкий темперамент. Он не подлаживался к собеседнику, к его душевному состоянию, мыслям, теме разговора. Он сам задавал направление и форму общения.

О чем он говорил? О деле, с которым пришел собеседник, а когда оно обговорено — о том, что его самого волновало или занимало в этот день. Он рассказывал о начатой или законченной статье, о способных или ленивых студентах, аспирантах, о вчерашнем заседании и своем выступлении, о том, что нужно сделать для улучшения географического образования в стране, о диссертационных делах; иногда перемежал эти разговоры воспоминаниями, относящимися к его революционной деятельности, к работе в РКИ. Нередко возникала мысль: почему он так доверительно разговаривал? Может быть, привычка размышлять вслух о намечаемой или начатой

Н. Н. Баранский —
член-корреспондент
АН СССР, профессор
МГУ (1940 год)

работе продиктована желанием проверить ее на собеседнике, выявить ее слабые стороны? А может быть, это просто свойство импульсивного человека делиться с другим тем, что его сейчас беспокоит? Нередко сюжет разговора со временем появлялся в напечатанной им статье.

Лектором Баранский был притягательным, мало с кем сравнимым. Всюду слышимый голос, правильная интонация, оправданная жестикуляция, выразительная мимика (запомнился рассказ-шутка о взаимоотношениях Наркомпроса и Наркомфина). Баранскому как лектору был свойствен артистизм, который не оставлял аудиторию равнодушной. Она отвечала ему улыбкой, смехом, заинтересованным вниманием, не упуская ни одного слова, запоминая отдельные фразы, жесты на всю жизнь. В минуты сильного напряжения мысли он закрывал глаза и 3—4 минуты продолжал лекцию, оставаясь как бы наедине с собой.

Внешние атрибуты лекции были под стать содержанию. Глубокие, оригинальные, полные значения мысли, подкрепляемые точным сравнением, образным выраже-

нием, шуткой, иронией, ложились добрым зерном в подготовленную сеятелем почву и покоряли сердца слушателей.

Оратором, докладчиком он был великолепным. Кратко и убедительно он доводил до людей свое мнение, при этом не обходилось без острых выпадов в адрес несогласных с ним. Едкое изречение или поговорка, нередко на латинском, греческом, французском или польском языках, всегда были у него под рукой и сшибали противника с ног. Особенно доставалось от него равнодушным людям, формалистам, бюрократам. Он называл их чиновниками, но произносил это слово не так, как все, а по-своему, вкладывая в него и презрение, и насмешку, — «чш-шиновник» — и это звучало как приговор. Иногда он одной фразой опрокидывал противника или неудачливого докладчика на обе лопатки.

В послевоенные годы один деятель в области экономической географии предложил создать новое учреждение — институт экономической географии. По-видимому, он рассчитывал, что ему поручат организацию этого института, тем более, что он не раз выступал в печати с критикой одних идей, похвалой других, соображениями, чем должна заниматься экономическая география. Его проект, направленный в высокую инстанцию, был передан на рассмотрение группе ученых, состоящей из академиков, членов-корреспондентов и докторов наук — специалистов по экономической географии и экономике. Поскольку текст проекта был разослан заранее, председатель предложил сразу перейти к вопросам и прениям. Присутствовавший на заседании Баранский спросил: «А что, разве у Н. опять такое положение, что ему нечем отчитываться за прошедшую пятилетку?» Наступило молчание. Одни заулыбались, другие стали рисовать что-то в блокнотах. После напряженной паузы председатель сказал, что если нет желающих выступить, вопрос будет решен в рабочем порядке. И идея экономико-географического института, который бы поглотил существующие аналогичные по специальности подразделения и специалистов, заглохла сама по себе, так как в основе ее было «бесплодное направление» в географии.

Баранский был на редкость работоспособным человеком. О трудолюбии Баранского, его приверженности науке, которой он был предан до последнего вздоха, свидетельствуют такие факты: им опубликовано более

500 работ, только в издательстве «Иностранная литература» им прорецензировано около 1000 книг (а значит, и прочтено). А сколько рукописей и статей отрецензировано им для Географгиза, для журнала «География в школе», сколько рукописей пришло самотеском от авторов со всех концов Советского Союза!¹ Любое взятое на себя обязательство он выполнял в срок. Работал ночами, не щадя себя, может быть, поэтому был строг к людям необязательным. Не терпел Лени и лентяев, людей малоспособных, иронически и беспощадно отзываясь о своих медлительных учениках и даже о тех, кто был ему особенно близок.

Одним из его любимых выражений было: «Резонный человек». Это была высокая оценка деловых и интеллектуальных качеств. Он дружелюбно и даже с любовью относился к А. А. Борзову. Ценил в нем его энциклопедические знания, ум, верность географии анучинской школы, уважал прогрессивность его взглядов и готовность работать с представителями Советской власти с первых лет ее существования. Но А. А. Борзов был по натуре медлителен, опаздывал на лекции и на заседания, звонок на перерыв заставлял его на полуфразе. И тогда он неизменно произносил: «Но об этом мы продолжим в следующий раз». Однако в следующий раз он начинал новую тему и к незаконченной не возвращался. Были ли у него конспекты лекций, мне неизвестно, но читал он лекции экспромтом, не заглядывая ни в какие листочки, тем более что и приходил без портфеля. Может быть, в его молодости было иначе, но в 30-х годах было именно так. Зато читал он увлекательно, содержательно, научно, с примерами из своего богатого опыта полевых работ. Слушать его лекции было наслаждением. Но систему в изложении всего курса найти было трудно. Чего не было — того не было.

---

¹ А сколько тысяч знаменитых «кругляшков» (замечаний Баранского, поставленных им на полях рукописей) к этому нужно добавить! А ведь многие замечания, отмеченные им «кругляшками», по существу были его достаточно подробно изложенными идеями! По словам Николая Николаевича, он подготовил более 50 кандидатов и докторов наук, а выступил оппонентом свыше 100 раз! До сих пор помню его слова, сказанные даже с некоторой гордостью, что я-де у него «юбилейный полусотенный молодой человек, по диссертации которого предстоит выступить официальным оппонентом!». А ведь это было еще во время войны. А сколько «крестников» было потом?! — О. Н.

В 1933 г. при составлении новых школьных программ Борзову поручили программу 6-го класса (физико-географический обзор частей света и важнейших государств мира). Другие программы также составляли преимущественно профессора Московского университета. Всю работу возглавлял Баранский, он же был ответственным за программу экономической географии СССР для 8-го класса. Были привлечены московские методисты и учителя географии. Распределившись по классам, либо они готовили программный материал профессору, возглавлявшему группу, либо профессор, приготовив основу программы, давал ее учителям на проработку. На заключительном заседании всех групп руководители должны были зачитать подготовленные программы.

Когда все собрались, оказалось, что нет только А. А. Борзова. Председательствовавший на этом заседании Баранский предложил кому-нибудь из группы Борзова зачитать подготовленный текст. И тут выяснилось, что Борзов ничего не написал, никому ничего не поручал, на обусловленные встречи не приходил и заставить его дома не удавалось. Надо было видеть разъяренного Баранского, который обрушился на отсутствовавшего Борзова потоком резких выражений, не жалея обидных прозвищ и сентенций, а заодно и в адрес русской интеллигенции, активной на словах и бездеятельной, когда нужно действовать. Не знаю, как это восприняли сидевшие здесь же профессора — Барков, Витвер, Половинкин, Чефранов. Может быть, для них это было не в диковинку. Что касается методистов и учителей, то они такого Баранского видели и слышали впервые. А увидев и услышав, поняли на всю жизнь: не можешь — не берись, взялся — доводи до конца.

Однако эта вспышка гнева не изменила дружелюбного; с неизменной симпатией отношения Баранского к Борзову, ценимому за человеческие достоинства. Года за три до своей смерти Николай Николаевич сожалел, что ученики Борзова не написали о нем воспоминаний. «Собрались бы, поговорили бы между собой и рассказали — какой он был человек, чему учил, почему был так обаятелен. Ведь сам-то Борзов написал мало». Действительно, Борзов был весь, как говорится, не на кончике пера, а на кончике языка. Но иногда думается и так: а может быть, Баранский, говоря о Борзове, имел в виду себя: «А напишет ли кто-нибудь обо мне?»

Баранский удивительно нежно относился к своим ученикам — способным студентам, аспирантам. Когда он слушал их, его лицо светлело в улыбке, взгляд излучал ту теплоту, какая бывает у взрослых, слушающих осмысленный лепет ребенка. Но он же отворачивался от того, кто оказался пустоцветом¹ или проявил себя недостойно. С таким он не деликатничал, не считал нужным лицемерить, скрывать свои чувства. Такому он мог, открыв дверь своей квартиры, бросить: «Баранского нет дома!» — и захлопнуть дверь перед самым носом нежелательного посетителя².

Однажды, помню, он сказал, нахмурившись и как бы через силу, как о неприятном деле: «Тут мне Икс и Игрек прислали телеграммы, поздравляют с днем рождения. Я им, конечно, отвечать не буду, но если вы их увидите, скажите, что Баранский благодарит».

При первом же удобном случае я это сделал, и каждый из них, как я понял, был не в восторге, что его секрет известен третьему лицу. Дело в том, что с трибуны они клеймили Баранского за якобы присущий ему антимарксизм, а тайно от всех признавались ему в симпатии и расшаркивались, признавая его заслуги в науке.

Двурушников Баранский не терпел. Однако, не желая с такими людьми общаться ни устно, ни письменно, он не пренебрегал правилами этикета.

В дни его рождения (это приходилось на конец ию-

¹ Припоминаю, как однажды Николай Николаевич, рецензируя «ресурсную» докторскую диссертацию одного из периферийных ученых (его же кандидатскую страноведческую диссертацию, изданную затем в виде книги, он в свое время хвалил), бросил: «Ну и ну! Первый раз встречаю докторскую диссертацию, представляющую собой часть кандидатской того же автора и по той же территории, да к тому же в ухудшенном варианте!» — О. Н.

² О еще более экстраординарном подобном случае сочетания глубочайшей порядочности и принципиальности Баранского с его чрезвычайной резкостью мне известно с его слов буквально «по свежим следам». Однажды в самом начале 50-х годов к нему с увесистым чемоданом явился некий «негодяй от науки» (его выражение) с просьбой «помочь ему в написании диссертации». Когда же ничего не подозревавший и отзывчивый к просьбам Баранский, протянув руку к чемодану, попросил показать ему материалы к диссертации, «гость», ничтоже сумняшеся, стал выкладывать оттуда... батареи бутылок дорогих сухих вин и коньяков, приговаривая при этом: «Дорогой профессор! Будет диссертация — еще будет!» Возмущенный столь неприкрытой наглостью, Баранский в ярости сначала сложил бутылки назад, затем одной рукой поднял чемодан, а другой ухватил негодяя за шиворот и буквально вышвырнул его из квартиры на лестницу. — О. Н.

Н. Н. Баранский на даче под Москвой (1936 год)

ня, на Николая Капустника) на его скромную дачку под Москвой собирались его ученики, единомышленники. Одних работа задерживала в Москве или в экспедициях, и они присылали поздравительные телеграммы, другие приезжали вдвоем-втроем в разное время дня, освободившись от неотложных дел. Одни прибывали, другие уезжали. Некоторые привозили с собой виноградное вино, чтобы произнести тост в честь Учителя. Состязание в остроумных тостах было своего рода самодеятельной программой, вносившей всеобщее оживление. А Учитель сидел за столом, на котором стоял неизменный пирог с капустой, сияющими глазами смотрел на «оперившихся птенцов», улыбался в усы, радуясь непринужденному веселью. Ежегодно компания обновлялась новыми учениками, которые с годами, став на крыло, обретали опыт и дарили Учителю кто опубликованную статью, а кто и книгу. Это вносило новые нюансы в день торжества, меняло тональность ежегодных встреч. Шли годы, изменялся внешне и Учитель. Но при встречах с молодежью он оставался неизменно доброжелательным, его радовали успехи талантливых учеников.

Общение с Баранским было всегда интересным, во многом поучительным. Разговаривая с новым или мало-знакомым ему человеком, он по его ответам, реакциям понимал, с кем имеет дело. Если тот все время поддакивал и соглашался со всем, что говорил его собеседник, Баранский либо переходил на вежливый сухой тон, намекая этим, что пора попрощаться, либо испытывал собеседника критическими в научном отношении фразами, ожидая возражения, несогласия. Если их не было, а продолжалось поддакивание, он терял к такому человеку интерес.

Совсем другим он был с теми, к кому привык, кого считал своим, «резонным человеком», чьи достоинства ценил, а к недостаткам относился снисходительно. С такими был доверительным, делился замыслами, планами, содержанием начатой или законченной работы. В то же время ему была свойственна резкая откровенность, критика в глаза¹. Это не всем нравилось, особенно на совещаниях, но измениться, не быть колючим Николай Николаевич не мог, даже если бы захотел. Он вырос в обстановке идейных споров, борьбы с инакомыслящими. Поэтому не боялся острых положений, не заботился о том, чтобы понравиться, не подлаживался к мнению других. Он отстаивал не удобную для себя позицию, а партийную точку зрения, государственные интересы, научные взгляды.

Но ему были присущи в определенных случаях и деликатность, и доброжелательность, и готовность понять другого, не навязывая своего мнения.

Мне известен случай, когда он согласился редактировать небольшую работу одного учителя географии. Но, видимо разочаровавшись в содержании этой ра-

---

¹ Он был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации в Алма-Ате во время войны. Зачитав положительный отзыв, он неожиданно заявил: «Конечно, по существу здесь не одна, а две диссертации, да еще и растянутые, да к тому же по разным дисциплинам». В диссертации было почти 400 страниц, что не возбранялось, и она состояла из двух равновеликих частей — одна географо-страноведческого типа, а вторая аграрно-экономического. Помедлив, Баранский заключил под смех членов совета: «Но из двух кандидатских отнюдь не получается одна докторская. Соискатель напрасно затратил лишний труд: он вполне мог бы любую из этих частей не писать, а уж коли написал — подарить одну из двух более нуждающемуся товарищу — либо географу, либо агроному!» — О. Н.

боты, вернул ее через общих знакомых с запиской, что, к сожалению, из-за большой занятости и нездоровья он не может заняться рукописью.

Помнится, я принес ему, как было условлено, замечания на составленную им программу. Мои поправки состояли главным образом из дополнений к тексту. Николай Николаевич, выслушав меня, долго молчал, а затем сказал: «Как странно! Кому я ни покажу программу, все предлагают что-то добавить, и еще никто не сказал, что надо убрать. Как вы думаете, почему это?» Я тогда не нашелся что ответить и даже не понял — зря я старался или не зря. Лишь спустя много лет в подобных же обстоятельствах, когда речь шла о моем тексте и выступавшие предлагали что-то дополнить, я понял, почему Баранский не спорил со мной и что он имел в виду самое легкое — это предлагать расширить текст, самое трудное — обоснованно сказать, что в нем лишнее. Чтобы сократить текст, нужны знания, умелая генерализация материала, смелость отделения главного от второстепенного. А чтобы предлагать расширить текст, ничего этого не надо.

Ему было свойственно произносить запоминающиеся афоризмы. Многим они служили житейским правилом. Когда еще только ставился вопрос о географических кабинетах, существовала практика, где их не было, переносить из класса в класс учебные пособия — глобусы, карты, атласы и др. А там, где кабинеты удавалось отстоять, пособия оставались на месте, но в класс переходили школьники. Шли споры о том, что выбрать. Николай Николаевич так сформулировал положение дела: «Надо решать, что лучше: устраивать в школе «крестный ход» или «великое переселение народов»».

О работе редактора: «Редактор, как прачка: она может выстирать, накрахмалить, отутюжить белье и подать его, как новое, но она не может заменить материал».

О школьной географии дореволюционного времени он говорил так: «География была тогда занятием многолетних учителей», намекая на то, что за нее брались материально нуждающиеся люди.

О географическом произведении, где природа дается мимоходом, в виде случайного привеска, без связи с хозяйством: «Здесь природа присутствует, как генерал на купеческой свадьбе».

Перечисление отраслей хозяйства без их увязки между собой, с природой, историческим развитием он называл «полочковой» географией, т. е. расположением материала по полкам без внутренних и внешних связей. И еще «перечисленческой географией». А о некоторых вообще неудачных книгах по географии прямо говорил: «Типичное не то!»

Высмеивал тех, кто придерживался «бесчеловечной» географии (т. е. без человека и хозяйства) и «неестественной» географии (хозяйство без природной среды). Были у него и «беспочвенные» географы, и «природоборчество». Не отвергая необходимости в географии, особенно в школьной, описаний, он ввел в обиход характеристику стран, районов, городов. Разницу между описанием и характеристикой он образно объяснял на примере Анны Карениной. Он говорил: «По паспорту она Каренина Анна Аркадьевна, столько-то лет, дворянка, православная, жена действительного статского советника, а в характеристике Толстого она предстает как любящая женщина, не терпящая лжи, двуличной жизни, условностей света». И пояснял: «Описание — тот же паспорт, характеристика — внутренний образ человека, района, территории».

В разговоре на тему популяризации, касаясь умения эмоционально воздействовать на слушателей, читателей, он приводил такой случай. В молодости он приехал в одну из сибирских деревень, чтобы провести политическую беседу с мужиками. Собрались вечером в сарае, набитом сеном. Для начала Баранский решил повести разговор на географическую тему с антирелигиозным подтекстом: о вращении Земли, смене дня и ночи, сезонов года. Поговорили и легли на сеновале. Утром один из сибиряков обратился к Баранскому: «Миколай Миколаич! Как ты меня растревожил, ведь я всю ночь не спал. Ну до чего ж все непрочно устроено!» Вывод Баранский делал такой: научно-популярная лекция, книга могут и должны растревожить человека, заставить его задуматься.

О неприхотливости Николая Николаевича к житейским условиям можно говорить много. Но лучше всего предоставить место не оценкам и мнениям, а фактам. В послевоенные годы, когда Баранскому дали отдельную квартиру в Гагаринском переулке (ныне улица Рылеева) и он покидал улицу Воровского (Поварскую),

за вещами пришла грузовая машина. Долго выносили связанные стопки книг. Они заняли весь грузовик. «Можно ехать»,— сказали шоферу. «А вещи?»— спросил тот. Баранский ему ответил: «Я всю жизнь занимался мебелировкой мозгов, и не успел заняться мебелировкой квартиры».

Он не любил пустых разговоров, за которыми нет дела. Не любил, когда после доклада начинался обмен любезностями вместо критического обсуждения и конкретных решений. Поэтому, когда в Московском филиале Географического общества возобладал дух комплиментарных разговоров по докладам и сообщениям, он стал там редким гостем, а собрания благодушно настроенных людей называл «Пиквикским клубом».

Однажды в Институте школ, в руководимом им секторе географии, шло, как обычно, заседание под председательством Баранского. Вдруг он прервал заседание и спросил: «А протокол кто-нибудь ведет?» Оказалось — нет. Он нахмурился и сказал: «Я считаю, если нет протокола, значит, не было и заседания. По протоколу любой человек, если это понадобится, сможет судить, чем мы занимались, какие приняли решения». Появился добровольный протоколист.

А ведь Баранский не был ни формалистом, ни бюрократом. Он был «резонным человеком», не избегавшим ответственности за свои действия, слова. Этому учил и других.

Когда возникла необходимость готовить на географических факультетах узких специалистов, пригодных для работы в качестве геоморфолога, гидролога, климатолога и т. д., возникли споры о том, как изменить программы обучения студентов. Баранский отстаивал сохранение широкой географической основы со специализацией на завершающем этапе¹. Были и другие мнения: ввести раннюю специализацию студентов за счет общих курсов. В связи с разногласиями, выступая на II съезде Географического общества СССР в 1955 г., Баранский образно пояснил опасность потерять географию как науку: «Одна старушка при жизни отдала дочерям свое имущество и стала у них приживалкой».

Как-то раз Баранский рассказывал о переговорах с

---

¹ Вообще-то Баранский не любил узких специалистов, хотя и признавал, что без них обойтись нельзя. — О. Н.

Гушосдором¹ об экономико-географическом обследовании Башкирии и составлении пятилетки по строительству автогужевых дорог. Заказчиков интересовала конечная продукция — пятилетка дорог. Все остальное, говорили они, — изучение природных условий, хозяйства, населения, — если вам надо, вы можете делать для себя за свой счет. Нам это не нужно, и платить за эту часть работы мы не будем. На это Николай Николаевич им ответил: «А как вы думаете — инженеру Эйфелю оплатили только верхний этаж башни? А остальное он строил за свой счет?» Гушосдоровцы рассмеялись и согласились оплатить всю работу.

Бывало и так, что свои мысли Баранский облекал в озорную форму. В 1937—1938 гг. сложилась очень напряженная международная обстановка. Гитлер начал захват малых стран Европы, и неясно было, как их изучать в школе: де-факто или де-юре. Советское правительство не признавало захваты, значит, надо было эти государства (а также саму Германию) изучать по действующей программе. Но практически этих стран в старых границах уже не было. Изменились специализация хозяйства, старые связи, численность населения. Как это отразить на уроках? Школы и учителя не получали конкретных разъяснений. В этот период в руководстве Наркомпроса РСФСР происходили значительные изменения. В школьном управлении Наркомпроса «возникла» дама, недавно работавшая за рубежом в советском посольстве. Опекая гуманитарные науки, она решила провести ряд совещаний и начала с географов. Была срочно созвана географическая комиссия учебного методического совета, куда входили Н. Н. Баранский, А. С. Барков, И. А. Витвер, А. С. Добров, А. А. Половинкин и другие не менее известные географы. Все явились на редкость дружно, надеясь узнать новые установки, планы, ожидаемые изменения в жизни школы. Вместо этого им пришлось выслушать нотации за изъяны, имеющиеся в школе, узнать, что обучение нужно соединить с воспитанием, ознакомиться с некоторыми достижениями европейских школ, в частности с обеспеченностью картами, а закончилась речь не предложением задавать вопросы или обсудить какой-либо наболевший вопрос, а извещением, что заседание окон-

---

¹ Гушосдор — главное управление шоссейных дорог.— Ред.

чено и можно расходиться. Слушатели были разочарованы и возмущены. Они обступили Баранского, ожидая от него комментариев. Баранский закурил папиросу и, считая себя обязанным рассеять тревогу беспартийных профессоров, сказал: «Н-да! Все женщины — кокетки. Одна, если она считает, что у нее красивые руки, шьет платье без рукавов, другая считает, что у нее красивая шея, тогда она делает вот такое декольте, а если ноги — надевает вот такую юбку. Ну, а этой даме хватиться чем-либо уже поздно, вот она и решила: «Дай, я им покажу, какая я умная!»» Трудно даже представить себе, с какой силой озорная шутка разрядила напряжение, устранила закравшиеся опасения.

В веселую минуту или когда Баранский встречался с бюрократизмом, равнодушием к делу, он впадал в гнев либо в словесное озорство¹. Под внешне веселой формой оно содержало обычно глубокую мысль, жизненную позицию. Это-то, видимо, и придавало его остроумию убедительность под маской развлекательности.

Географ Л. Л. Трубе рассказывал, как он в 30-х годах, живя в Горьком, договорился с Баранским о подготовке под его руководством диссертации. Баранский согласился, и Трубе приехал в Москву для поступления в аспирантуру. Явился в ВКВШ² за направлением. Там ему обещали дать направление, но попросили предварительно договориться с профессором о том, чтобы он принял в аспирантуру еще одного человека. Трубе пришел к Баранскому и передал слово в слово поручение работника ВКВШ. Баранский отве-

---

¹ Он как-то рассказывал мне, что однажды экзаменовал очень красивую студентку, которая не могла ответить ему ни на один вопрос (специализируясь по физической географии, она не считала нужным готовиться по «постороннему» предмету, надеясь получить положительную оценку «на авось»). Баранский, убедившись с первых слов в ее полном неведении в области экономической географии, пробурчал про себя тут же сочиненное им двустишие: «Хороша твоя головка, да посажена неловко!», — а вслух с улыбкой сказал: «Ну, что вы! Экономическая география очень простая наука! Ну, какие есть крупные страны? Ну, например, Англия, Франция, Германия, Россия, Китай! Повторите за мной! А теперь продолжим — ром, вино, пиво, водка и чай! Видите, как просто и складно! И для хорошенькой девушки вполне достаточно такого знания экономической географии!» Ну, как тут не сказать: складно? Да. Ядовито? Конечно. Географическая специфика показана? Безусловно! — О. Н.

² ВКВШ — Всесоюзный комитет высшей школы.

тил: «Скажите им, что профессор не курица, под которую можно подкладывать чужие яйца».

Это озорная шутка, но, повторяем, это и научная позиция. В послевоенные годы Баранский выступал критикой порядка приема в аспирантуру, когда соискатель встречается с научным руководителем уже в качестве аспиранта. Бывает удачное совмещение требований руководителя и подготовленности аспиранта. Бывает и иначе. Николай Николаевич предлагал вернуться к порядку, который был в университетах в первое десятилетие Советской власти: профессор сам отбирал студента по его успехам на семинарских занятиях для оставления при кафедре для подготовки к профессорской деятельности.

Нередко в его обыденной речи и тем более в лекциях проскальзывала короткая, но полная мудрости фраза, легко запоминающаяся, полная глубокого смысла. Фраза эта особым светом освещала сообщаемые факты, группировала их вокруг стержневого обобщения. Сказанное запоминалось на всю жизнь. Пристрастие к афоризмам, придумывание их, полагаю, шло со времени его революционной подпольной деятельности, когда принято было с помощью лозунга объединять единомышленников, ставить перед ними определенную цель, объяснять смысл движения, тактики.

Особенно много выдумки и способности создавать афористические фразы проявил Николай Николаевич в доведении до сознания студентов, учителей сущности карты, ее специфических особенностей как источника знаний, учебного пособия, ее связи с географией как наукой.

Ему принадлежат, например, следующие афоризмы о картах:

- карта — альфа и омега географии;
- карта не терпит пустоты;
- карта — «второй язык» географа;
- карта — один из критериев географичности;
- надо воспитывать у учащихся «позыв на карту», т. е. интерес к ней, готовность ее изучать, рассматривать даже при чтении газеты;
- карта — средство выявления географических закономерностей;
- без карты нет географии;
- карта при тексте служит его аккомпанементом.

О характеристиках:

— страноведческие характеристики содержат всё — от «геологии до идеологии»;

— экономико-географическую характеристику страны или района надо давать так, чтобы она ногами упиралась в землю; — с геологией, геоморфологией, климатологией, почвоведением и т. п., туловищем проходила через историю, а головой упиралась в политику и идеологию;

— ни в коем случае не следует за производством забывать самого производителя, т. е. человека со всем его своеобразием «от места к месту»: в противном случае это будет никуда не годный — особенно для школьной географии — «экономизм»¹.

О географии, ее положении в дореволюционной школе:

— на географию смотрели как на «подстилку» для истории, поэтому она была в начальных классах;

— зубрежка географических названий и запоминание точек для черчения карт наизусть было средством «массовой идиотизации» молодого поколения².

Баранский был глубоко принципиальным человеком в самом высоком, партийном смысле этих слов. Его принципиальность была не стойкостью бюрократа, чиновника, который, действуя строго по закону, инструкции, приносит нередко вред делу и людям, которым он призван служить. Ленинское изречение «формально правильно, а по существу издевательство» имеет в виду именно чиновников, которые придерживаются буквы закона, а не его духа. Так им проще жить, а проявить разумную инициативу в соответствии с законом они боятся: «как бы чего не вышло».

Баранский своей принципиальностью не был похож и на тех, кто применял принципиальность только в отношении к другим, а себе делал поблажки, полагая, видимо, что он выше этических норм и несоблюдение их его не испортит, а народ (подчиненных, просителей) надо держать в строгости. В военное время он подготовил небольшую работу — «Основные положения методологии и методики экономической географии (в са-

¹ См.: Баранский Н. Н. Экономическая география в средней школе... С. 80.

² См.: Баранский Н. Н. Очерки по школьной методике... М., 1954. С. 7.

Н. Н. Баранский с младшими детьми и женой (Т. А. Соловцовой)

мом сжатом изложении, для начинающих учителей)». Для начинающих, но сколько новых и глубоких мыслей содержится в этой книге! Для Баранского начинающий учитель — образованный, пытливый, но еще не набравший опыта географ. Но ни в коем случае не неуч, не Митрофанушка, не чиновник от просвещения. От таких он просто отворачивался¹.

«Упор на карту» — не только методическое указание, это и методологическая позиция. Карта — качество, присущее географии. Без карты, одними только словами невозможно даже конкретизировать такие простые понятия, как «близко» и «далеко». И, держа на коленях младшего сына, находившегося еще в дошкольном возрасте, он показывал в атласе на карте Европы два близко расположенных друг к другу полуострова Англии и Франции (Корнуолл и Бретань) и говорил: «Две дамы тянутся друг к другу, а поцеловаться не могут. Почему так?» И сам же отвечал: «Носы мешают и вода». По-видимому, он считал, что в занимательной,

---

¹ О таких он зло говорил, что они «занимаются расширенным воспроизводством неучей!». — О. Н.

игровой форме ребенка можно знакомить с картой, географией в раннем возрасте.

В послевоенные годы мы встретились с ним как-то на улице. Поздоровались, и он сразу поведал мне о разговоре, только что состоявшемся у него с начальством Совинформбюро. Руководители этой службы жаловались на медлительность сотрудников, бюрократизм, иногда равнодушные, а то и на неквалифицированность. Баранский ответил им, что он старый эркаиист и может дать совет, как поправить дело. Они заинтересовались. «Я им сказал: увольте половину сотрудников из числа бездельников, а остальным увеличьте зарплату за счет уволенных. А они мне: «Вы все шутите, Николай Николаевич, а нам не до смеха». Вот чудачки!»

Этот случай вспомнился мне, когда я прочитал в «Известиях» от 16 июля 1985 г. сообщение о том, что на совещании в ЦК КПСС (по вопросам ускорения научно-технического прогресса) указывалось на важное значение повышения общественного признания научного и инженерного труда, усиления заинтересованности научных, инженерно-технических работников в результатах деятельности, стимулирования качественного выполнения работ с меньшей численностью и на этой основе повышения уровня их оплаты. Баранский, как видим, не шутил, а объяснил начальству Совинформбюро партийную позицию, усвоенную им еще в РКИ.

Баранский был великолепным организатором науки. Ученый и организатор в нем сливались в одно целое. Ему поручали многие руководящие должности; он выполнял их, как правило, в общественном порядке наряду с основной работой — сначала в РКИ, потом в МГУ. И делал это не формально, не ради тщеславия, а ради самого дела, видя в этом свой партийный долг. Когда он убеждался, что дело налажено и во главе его может стоять кто-то из молодых географов, он уходил в сторону, считая свою миссию оконченной.

Все, что организовывал Баранский, он вел малыми силами, но при этом он подбирал квалифицированных сотрудников, которые своим добросовестным отношением к делу добивались высокой отдачи в работе. Так, в журнале «География в школе» редакция состояла всего из трех редакторов, не считая секретаря: его самого, П. Г. Терехова и В. А. Рауш. Зато какой это был коллектив по своей работоспособности! А сектор гео-

графии Института средней школы НКП РСФСР состоял кроме него тоже всего из трех методистов, но с большим опытом и знанием школы (в их числе А. А. Дометти и В. А. Рауш). Редакция географии в БСЭ первое время состояла из одного человека — его самого, но географических статей печаталось много и на высоком научном уровне. Читал статьи и визировал их в печать О. Ю. Шмидт, что ко многому обязывало. При этом нередко поручение написать статью или заменить слабую давалось сегодня вечером, а представить новую надо было завтра утром. Лишь потом появились сотрудники — А. А. Борзов, Н. Н. Колосовский и др. Нельзя не сказать об умении Баранского заметить работника, понять его потенциальные возможности, увлечь его на какое-нибудь интересное дело.

Рецензии он писал весьма своеобразно. На полях работы он ставил очередной номер замечания, заключал его в круг, и такой же номер с «кругляшом» он ставил на отдельном листе. Здесь-то и выражал свое мнение — несогласие с автором, едкое замечание, вопрос, совет, как изменить, улучшить текст. В конце отзыва высказывал свое мнение в целом обо всей работе. Этих «кругляшей» авторы статей ожидали с трепетом в душе, но в спор, как правило, не вступали, так как обычно замечания были неотразимо справедливы. Что же касается иронического или назидательного тона, насмешливой формы интерпретации текста, то на это не обижались, так как замечания были уместными и помогали улучшить рукопись.

Баранский был принципиальным и требовательным прежде всего к себе. Всегда он следовал нормам коммунистической морали. Что касается других, то беспринципного человека он презирал, отворачивался от него, припечатывал его при случае острым, едким словом, называл «чш-шиновником». Он принадлежал к большевикам ленинской школы, которые, приняв определенные правила поведения, образ мыслей, не шли на компромисс с совестью, не поддавались слабости или соблазну ни при каких обстоятельствах. И я горжусь тем, что на моем жизненном пути встретился могучий духом человек, который свое нравственное, партийное поведение ставил выше и даже вопреки личной выгоде. Пусть я встретил такого одного, но я не один, другие тоже, полагаю, встречали таких же, как Баранский.

Значит, их больше, чем людей, принципиальных в делах других и беспринципных в своих.

Приведу пример. Когда программа 1933 г. была в основном готова (кроме текста для 6-го класса, не подготовленного группой А. А. Борзова), Баранский собрался ехать на юг в санаторий. Тогда (в начале осени 1933 г.) билет на поезд купить было трудно. Предварительная продажа в Москве шла в кассах «Метрополя». Чтобы купить билет, надо было выстоять огромную очередь. Люди приходили с 11 часов вечера и стояли до утра. Обычно кто-то из членов семьи стоял в очереди до 3 часов ночи, а затем его сменял «соискатель» билета до открытия кассы. Баранский выстоял очередь во 2-ю смену. Кто-то у него спросил, неужели у него нет знакомых, которые бы помогли ему достать билет без очереди? Он ответил, что там, «наверху», у него есть старые друзья, которым ничего не стоит позаботиться о нем. Но ведь другие-то стоят. И еще рассказал, что, когда рассвело, он прислонился к стене «Метрополя» и, положив на одно колено приготовленную заранее тетрадку, стал писать программу 6-го класса «Обзор по странам» (за Борзова). Легко и с увлечением написал «Польшу». Было даже интересно, рассказывал он, проверить, что я знаю без подсобных материалов, которые всегда при мне. Это и есть, добавлял он, генерализация знаний. Он написал в ту ночь программу еще для некоторых других европейских стран и успел сдать весь материал в печать до отъезда. И это далеко не единственный случай проявления принципиальности, понимаемой с партийных позиций.

В июле или августе 1943 г. по выходе из госпиталя, где я находился после ранения на фронте, я узнал, что в Москву вернулся из эвакуации Баранский, и пошел к нему на квартиру на улицу Воровского. Он был очень рад моему приходу. Мне он показался осунувшимся, похудевшим, не таким орлом, каким я привык его видеть в довоенные годы, каким-то вялым, без обычной для него экспрессии, бывшей ключом, грустным. Впрочем, тогда это было свойственно не ему одному, а многим москвичам.

Он стал рассказывать о написанных в Алма-Ате работах, преподавании в тамошнем пединституте, лекциях в городе, госпиталях. Я его слушал и чувствовал

Н. Н. Баранский со своими детьми и племянницей (стоит в верхнем ряду) (1930-е годы)

себя в довоенной обстановке, когда он вот так же рассказывал о сделанном или задуманном, как бы отчитываясь перед собеседником.

В том же году нам удалось повидаться еще раз в его московской квартире.

Разговор шел неторопливо. После короткой паузы он как-то сморщился и произнес: «Мой Николай погиб. Пришла похоронная». Я знал, что Николай был его старший сын, тоже географ и по семейной традиции тоже Николай Николаевич¹.

---

¹ Николай Николаевич Баранский-младший (1909—1943) — старший сын Н. Н. Баранского и Т. Г. Бронштейн, экономико-географ. В 1933 г. окончил географический факультет МГУ, а затем аспирантуру при нем и перед войной защитил кандидатскую диссертацию о Серпухове (первую в СССР по экономической географии городов). В 1939 г. участвовал в экономико-географической экспедиции Казана по районам Алма-Атинской области (сохранилось несколько его очерков). Был доцентом географических факультетов сначала Саратовского, а затем Московского универси-

Передо мной сидел несчастный отец, переживший своего сына вопреки природному порядку смены поколений. Чем можно утешить в такую минуту?

Баранский; пройдя школу революционной борьбы с анархистами, эсерами, меньшевиками, черносотенцами, умел, когда это было нужно, менять тактику борьбы ради достижения главной цели. В этом отношении он был сильнее своих идейных противников в науке. Сначала он это доказал в расстановке сил и выборе тактических ходов, научных аргументов против «отраслевиков».

Умел озадачить и так называемых «леваков», обвинявших его в антимарксизме. Баранский рассказывал, как он обошел «своих друзей» на защите диссертации с помощью хорошо продуманной тактики поведения. Его ученик после окончания аспирантуры поступил на работу в один научно-исследовательский институт. Примерно через год его диссертация, подготовленная раньше под руководством Баранского, была представлена к защите. Можно было ожидать полного разгрома со стороны противников Баранского, которые на примере диссертации хотели попытаться доказывать идейную порочность направления Баранского. Положение создалось сложное. На кон была поставлена научная судьба молодого человека.

Баранский был членом ученого совета того института, где должна была состояться защита. Идя на заседание, он обдумывал, как разрушить планы «друзей», способных на любые подвохи. Когда закончилась первая часть защиты и перешли к прениям, Баранский сразу попросил слово и вышел на трибуну. Многие ожидали, что он выступит в середине или даже в конце прений, чтобы отвести наиболее трудные и спорные аргументы, ослабить впечатление некоторых рьяных оппонентов и тем самым помочь диссертанту. Правда, это не всегда влияет на исход голосования, но все же дает шанс. Здесь же Николай Николаевич выступает первым. Ход оказался непредвиденным и ошеломившим многих. Некоторые решили, что он отступился от своего же

тета. Был душой молодежи на ежегодных «именинных» встречах географов на даче отца под Москвой. Во время войны добровольцем ушел на фронт, был политруком, непосредственно участвовал в боях, имел боевые награды. В 1943 г. гвардии капитан Н. Н. Баранский погиб на Курской дуге под Карачевом Брянской области.— О. Н.

ученика и решил его наказать за то, это тот «отвернулся» от МГУ. А когда Баранский стал говорить не столько о достоинствах диссертации, сколько о ее недостатках, то многие восприняли это как выпад против института, выдвинувшего на защиту работу якобы с изъянами. «Наших бьют» — написано было на лицах «друзей». А Баранский закончил свою речь так: работа заслуживает присуждения ученой степени, так как диссертант много потрудился над сбором первичных материалов, составил интересные карты, но при большом усердии мог бы избежать досадных огрехов.

И тут началось для многих непредвиденное: заготовленные против диссертанта речи были отброшены в сторону и заменены резкими выпадами против Баранского. Наспех перекантовавшись, «друзья» бросились на защиту диссертанта, опровергая доводы Баранского, не забывая напомнить, что он антимарксист, пропагандист буржуазных учений и т. д. Все единогласно проголосовали в пользу диссертанта, «что и требовалось доказать». А накануне гипотетический подсчет голосов, как это обычно делается заинтересованной и опасющейся подвохов стороной, с трудом давал нужные две трети, и то при благоприятной ситуации.

Редактируя журнал «География в школе», он не жалел своего времени, исправлял, переделывал, дополнял статьи, особенно статьи учителей, заострял главную мысль автора, факты объединял важным обобщением, сохраняя авторство учителя даже при большой переделке текста. Редкая статья не проходила через его руки, но трудно найти за все годы его редакторства работу за двумя подписями.

А в тех случаях, когда статья была нешаблонной, оригинальной по существу или по форме и интересной для читателя, он посылал автору письмо с пожеланием присылать новые работы в журнал.

Однажды я застал его за редактированием какой-то небольшой рукописи. Дописав несколько фраз, Николай Николаевич сказал: «Отредактировал и написал, что статья не годится». Я спросил, зачем же было редактировать непригодный к печати материал. Он ответил, что, не зная заранее ценность рукописи, он на всякий случай ее редактирует, чтобы не читать дважды. И еще добавил, что он так привык к редактированию, что нередко правит даже письма.

На вопрос, почему бы ему не ответить на многие нападки книгой, в которой были бы изложены его теоретические позиции в экономической географии, он ответил: «Я мастер малых форм». Как оказалось впоследствии, собранные им в двух книгах избранные статьи и явились тем итогом его взглядов на науку, которой он отдал вторую половину своей жизни.

Когда Баранский отказался подписать договор на переиздание его учебника для средней школы, то на вопрос «почему?» — он ответил: «Лучше я уже не смогу написать, а повторить еще раз сделанное мне уже не полагается».

Баранский любил ходить пешком по Москве даже на сравнительно далекое расстояние. Городской транспорт для него как бы не существовал. Не только с улицы Воровского до Моховой в университет он шел пешком, но и до Чистых прудов на заседания в Наркомпросе или в Орликов переулок у Красных ворот, где первое время помещалась редакция журнала «География в школе», он приходил своевременно, не пользуясь городским транспортом. Обрато домой он шел обычно не один, а с участниками заседания — учителями, методистами. Мы шли за ним кучкой, слушая его и узнавая, что волновало, озабочивало его. Он говорил об отдельных проблемах экономической географии, о методике преподавания, о школе, об учебных пособиях, о только что состоявшемся заседании, о журнале, о привлекавшей его внимание статье, присланной в редакцию, и о многом другом. Нередко много позже его высказывания можно было прочитать в его же статьях.

Эти разговоры, точнее, монологи, так как мы ограничивались репликами и междометиями, были своего рода университетом на ходу. Впрочем, иногда ему задавались вопросы. Многое можно было узнать, понять, тем самым расширить круг знаний на этих прогулках. Постепенно круг слушателей сужался, так как то один, то другой сворачивал с главной магистрали в ближайший переулок. Последним слушателем был обычно я, и прощались мы с ним у Никитских ворот.

Баранскому был свойствен сибирский патриотизм. Он при всяком удобном случае отмечал физическую закалку сибиряков (разумеется, коренных жителей Сибири, с которыми он постоянно общался в молодые годы), их надежность, верность слову, честность и про-

стоту нравов, терпимость к чужому мнению, работоспособность. Когда гитлеровские войска были отогнаны от Москвы, Николай Николаевич нередко с особым удовольствием подчеркивал именно участие сибиряков в нашем большом зимнем наступлении.

Говоря о характере сибиряков, он по какому-то поводу сказал: «У сибиряков не принято обращать внимание на биографию соседей. В жизни всякое бывает. Главное, каков человек сейчас, каков на деле, как добывает свой хлеб». Рассказывал, что раньше, когда в Сибири были и бродяги, и бежавшие с каторги уголовники, там жил обычай: снаружи, где-нибудь на окне или в сенях, оставлять еду (хлеб, сало). И при такой простоте нравов случаев воровства не было.

Баранский в оценке себя, своей научной деятельности был скромнен и объективен. Разумеется, он понимал, что им сделано для развития географии, но, как человек долга, он, видимо, не считал вправе судить о себе в превосходной степени, снисходительно относиться к другим. Рассказал он и о забавном случае, происшедшем с ним на конгрессе. В перерыве одного заседания он в кулуарах оказался сидящим на диванчике между поляком и японцем. Проходивший мимо американский географ остановился и, весело поглядев на них, сказал, что два соседа контролируют действия находящегося между ними советского партнера, намекая на то, что наша страна граничит с Японией и Польшей. Мне ничего не оставалось, рассказывал Баранский, как ответить по-нашему, по-сибирски. И, подхватив своих соседей обеими руками, он встал вместе с ними с дивана, держа обоих на весу. Изумленный американец застыл на месте. А Баранский, посадив соседей на прежние места, пояснил свои действия: «На американские выпады приходится реагировать вот так». Нельзя отказать Баранскому в находчивости, правда в озорной форме¹.

---

¹ Этот пример озорной шутки — научной позиции Н. Н. Баранского «на международной арене» — я слышал от него в более «географической» интерпретации. Он рассказывал, что когда он сидел на диване между участниками конгресса от Польши и Японии, то японский коллега с усмешкой проговорил: «Профессор Баранский учит, что географическое положение — понятие политическое, и у СССР оно в этом смысле неудобно — между капиталистическими Польшей и Японией». И японский географ в шутку

Еще в 1926 г. по приглашению Академии наук СССР в Советский Союз приехали иностранные ученые. В программу встреч входило посещение Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Прибыв с переводчиками, иностранцы с интересом ожидали разговора с ректором КУТВ.

Последний, к изумлению гостей, безукоризненно пользуясь латынью, предложил отпустить переводчиков и вести разговор на языке, на котором издавна общаются ученые между собой. Далее ректор университета, обратившись к стенной карте, рассказал о плане электрификации СССР, показал намеченное строительство электростанций, связав это с новым районированием страны. Одни гости, возможно, были недостаточно твердо в латинском языке, другие, может быть, хотели проэкзаменовать «красного профессора». Так или иначе, но вопросы задавались не только по-латыни, но и по-английски, по-немецки, по-французски. «Красный профессор» отвечал каждому на том языке, на котором был задан вопрос. Ректором КУТВ был, как уже догадались читатели, Н. Н. Баранский.

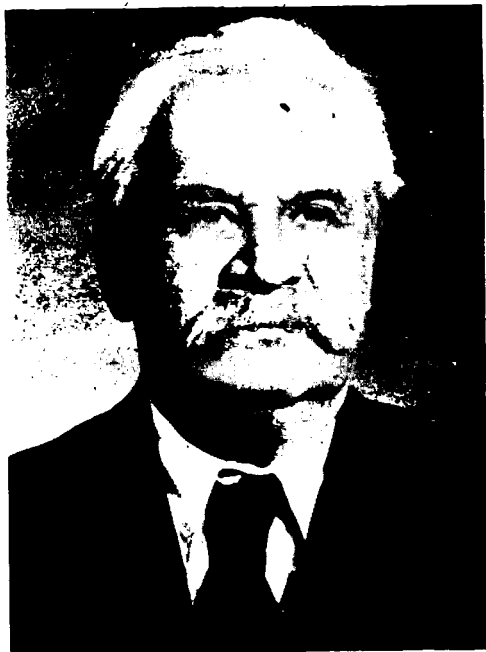
Николай Николаевич Баранский отличался глубоким умом, энциклопедичностью знаний, многосторонними интересами, но больше всего его интересовал человек.

Готовя талантливых учеников, он нес порой невосполнимые издержки, теряя тех из них, кто был его надеждой, разочаровываясь иногда в последователях или в коллегах по работе.

Он приступил к научно-педагогической деятельности, когда экономической географии как науки в ее современном понимании еще не было. Благодаря ему она возникла, укоренилась и получила государственное, народное признание. Это нашло свое выражение в его стабильном учебнике, отмеченном Государственной премией СССР, и в присуждении ему звания Героя Социалистического Труда «за выдающиеся заслуги в области теоретической разработки вопросов экономико-географической науки».

предложил своему польскому коллеге сжать Баранского. На это Баранский зычным голосом отпарировал: «Но профессор Баранский учит также, что политико-географическое положение — категория историческая и может меняться к лучшему!» При этом он встал во весь свой богатырский рост и приподнял обоих шуплых коллег.— О. Н.

Н. Н. Баранский в
год своего 70-летия
(1951 год)

Благодаря Баранскому такая наука есть. Она развивается, в чем-то трансформируется, в чем-то заменяется новым и одновременно в ряде положений выдвигает аксиомы, незыблемые истины, расширяя круг познанных закономерностей. Так изначально открытые устои науки, на первых порах не всеми принятые, становятся её основами. Часто это происходит тогда, когда первопроходец в науке отходит на второй план, а главными становятся идеи и их практическое применение. То же мы видели и с Баранским: его идеи вошли в основы науки экономической географии и стали общим достоянием¹.

---

¹ Конечно, не нужно превращать Н. Н. Баранского в икону! Так, надо согласиться с тем, что еще в 1972 г. писал покойный А. А. Минц — один из любимейших студентов Николая Николаевича, с глубочайшим уважением относившийся к своему Учителю, — в своей рецензии на статью Ю. Г. Саушкина в книге «Николай Николаевич Баранский» (серия «Биобиблиография ученых СССР», М., Наука, 1971): «...представляются спорными некоторые попытки «модернизации» взглядов Н. Н. Баранского,

Хорошо сказал о нем американский географ Джеймс Престон: «Для развития географии в Советском Союзе он был самым подходящим человеком именно в этой стране и именно в это время»¹.

В заключение хочется привести сбереженные Ю. Г. Саушкиным слова Н. Н. Баранского. В них содержится, по нашему мнению, его понимание сверхзадачи географической науки и своего места и роли в полувековом «служении этой Даме». «Незадолго перед смертью,— пишет Ю. Г. Саушкин,— Н. Н. Баранский написал на узкой полоске бумаги: «Посоветую только одно. А именно — сделать географию общенародной наукой»².

Это и завещание последующим поколениям географов, и утверждение идеи, с которой он не расставался всю жизнь. Это и девиз в его борьбе ради «этой Прекрасной Дамы» — экономической географии.

включение в его наследие положений, выдвинутых лишь в недавнее время некоторыми его учениками...» (Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1972. № 1. С. 169). Минц, в частности, имел в виду попытки связи учения Баранского об экономико-географическом положении с «абстрактными геометрическими концепциями географического пространства», выдвинутыми сторонниками «теоретической географии». — О. Н.

¹ Цит. по книге Ю. Г. Саушкина «Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем». М., 1980. С. 174.

² Там же. С. 267.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение — 3

Глава 1

Годы возмужания — 7

Глава 2

Путь в науку — 18

Глава 3

Научные основы учения Н. Н. Баранского — 49

Глава 4

Новатор-методист — 75

Глава 5

Н. Н. Баранский в жизни — 101

Научно-популярная книга

Захар Григорьевич Фрейкин

**Николай
Николаевич
Баранский**

**Замечательные географы
и путешественники**

Редактор *Ю. С. Макаревич*
Оформление художника *А. В. Кузнецова*
Художественный редактор *А. И. Ольденбургер*
Технический редактор *Е. А. Молодова*
Корректор *Л. Ю. Ласькова*

ИБ № 3356

Сдано в набор 04.04.90. Подписано в печать 21.09.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарн. литерат. Офсетная печать. Усл. печ. листов 6,72. Усл. кр.-отт. 6,94. Учетно-издат. листов 6,9. Тираж 27 000 экз. Заказ № 1127. Цена 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Типография издательства «Калининградская правда».
236000. Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

